

Туляремия

Книга 1

Путорана

Корзина реальности

Туляремия Туляремия

Путорана. Корзина реальности

<https://litres.ru/74144734>

SelfPub; 2026

Аннотация

Дом Правительства оказался на плато Путорана. Впереди короткое арктическое лето. "Хозяева жизни" против дикой природы. Кто пойдет за помощью, кто останется зимовать? Ничего хорошего не ждёт ни тех, ни других. Не ждите чудес. Только логика, карты, которые врут, и борьба за каждый градус тепла. Но самое страшное - они там не одни.

Содержание

Глава	4
Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	27
Глава 4	33
Глава 5	42
Глава 6	50
Глава 7	68
Глава 8	82
Глава 9	95
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Путорана. Корзина реальности

Глава

Название:Путорана. Книга 1.

Автор:Туляремия

Глава 1

Пролог

Знаете, есть мнение, что мир не материален. Не в том смысле, что его можно отрицать, а в том, что вещество – лишь итоговый отчёт. На субатомном уровне нет ни твёрдых частиц, ни пустоты в привычном понимании. Там только информация. Первичная. Не описывающая реальность, а порождающая её. Кварки, электроны, фотоны – не кирпичики, а устойчивые паттерны, которые наша физика пока измеряет как массу и заряд, но которые на деле суть данные. И эти данные живут по иным правилам: нелинейным, нелокальным, вероятностным.

А то, что мы видим, слышим и осязаем, – не сама ткань бытия. Это интерфейс. Удобный, до предела упрощённый рабочий стол, который наш мозг генерирует поверх информационного потока, чтобы отличать ступеньку от ямы, хлеб от булжника и не терять друг друга в пространстве. Мы живём в пользовательской оболочке, отлаженной эволюцией лишь для выживания. И работает она безупречно. Миллионы лет.

Но у любой оболочки есть границы. И иногда кто-то – будь то случайная флуктуация, слишком любопытный разум или просто накопившаяся погрешность – пытается заглянуть за ярлыки. Прочитать не отчёт, а исходный слой. Система на

такое не отвечает гневом. Она отвечает архитектурой. Если процесс начинает запрашивать права, которые ему не положены, если он пытается переписать базовые константы, его не удаляют. Его изолируют. Перемещают в отдельный раздел – в своего рода корзину реальности, куда система сбрасывает всё, что мешает стабильности основного потока. Чтобы не засорять рабочий диск. Чтобы интерфейс оставался чистым.

Это просто фоновая очистка. Тихая. Без предупреждений. И если однажды привычный мир вдруг покажется вам чуть смещённым, будто кто-то нечаянно задел край таблицы, – не пугайтесь. Просто где-то в глубине кода запустился процесс перераспределения. А мы, как и всегда, видим лишь обновлённый рендер. И принимаем новые правила как данность, даже не подозревая, что нас давно перенесли в другую вкладку.

***

Это лето в Москве выдалось особенно жарким. Днём Игорь спасался от жары в тени квартиры, под кондиционером, а вот ночью любил вытащить ноутбук на балкон и поработать там. Поэтому для него было вдвойне удивительно, когда дверная ручка на его балконе провернулась и дверь открылась. Тем более что жил он один. Моментом спустя в дверном проёме появился внушительного вида незнакомый мужчина в костюме, подцепил носком ноги стоящий рядом табурет, уселся на него и закурил.

– Москва, Москва!.. Люблю тебя как сын,

Как русский, – сильно, пламенно и нежно!

Как верую в святую праведную тень,

Так верую в тебя, мой город прежний, – сказал мужчина, направив струю дыма в открытое окно, за которым переливалась огнями предрассветная Москва.

Игорь молчал. Он знал, что это не грабитель, не маньяк, не вымогатель, не умалишённый. Игорь с самого начала знал, что все эти странные заказы по архитектуре сетей, которые он брал в последние годы, закончатся именно этим. Но не мог остановиться – и дело было не в деньгах: каждый следующий заказ становился сложнее предыдущего. Это была увлекательная головоломка. Сначала ОАЭ, потом Китай, потом ряд каких-то мутных фирм.

– Измена Родине – это самый лёгкий вариант, – прервал размышления Игоря мужчина и поправил очки.

– В удивительное время мы живём, – Игорь закрыл ноутбук и взглянул на ночной город, – мир стремительно ввалился на этап глобализации и оказался к нему совсем не готов. До сих пор не могу понять, как могут уживаться в одной и той же системе столь высокие технологии и столь же архаичные понятия и обряды.

– Ну, это как раз-таки понятно, – внезапно поддержал тему мужчина, – технологическая эволюция обогнала биологическую. И это совершенно неудивительно и прекрасно описывается и математическими законами, и биологическими. Из пещер мы вышли буквально вчера по меркам всей исто-

рии человечества. Мы не успели эволюционировать под собственные гаджеты, которые меняются с дьявольской скоростью. По сути, вы – мужчина ткнул пальцем с сигаретой в сторону Игоря – пещерная обезьяна, обвешанная гаджетами. И желания, обряды, иерархия общества у нас остались всё те же, что и у людей сотни лет назад. И это, в свою очередь, означает, что вы будете сидеть не в клетке с прутьями из бивней мамонта, связанными сыромятными ремнями, а в высокотехнологичной тюрьме с электрическим освещением и камерами видеонаблюдения.

Но один вариант у вас есть, – незнакомец щелчком пальцев отправил окурок в окно и, несмотря на осудительный взгляд Игоря, продолжил.

– Есть срочная и важная работа. Наши специалисты разводят руками. Вы мастер в области архитектуры сетей и не только. И, по ходу, у вас нет иного выбора, кроме как нам помочь.

– Вы – это кто? – не удержался от вопроса Игорь.

– Правительство. – Мужчина встал и карикатурно снял несуществующую шляпу. – Меня зовут Сергей Павлович. Я буду вашим куратором в этом вопросе.

– Не так я вас себе представлял, – ехидно заметил Игорь. – Хорошо, если я выполню эту работу, то что потом?

– Не знаю, – честно признался Сергей Павлович, – но домой вы уже не вернётесь. Если покажете свою компетентность, то пристроим где-нибудь на производстве, так сказать.

Если же нет или вы не согласны, то окно открыто. Вы же читаете новости, как некомпетентные люди любят выходить из окон. Вы просто пополните их ряды.

– Ну тогда у меня и вправду нет выбора, – вздохнул Игорь. – Что теперь? Разрешите собрать вещи и попрощаться с родными?

– Не разрешу, – просто ответил Сергей Павлович. – Времени мало. Мы выезжаем прямо сейчас – карета подана и стоит у подъезда.

Игорь встал с кресла, отложил ноутбук на подоконник и завис. Вот так просто – взять и уйти в том, в чём есть, из своей жизни, из своего мирка. Резко и неожиданно пропасть для всех.

– Пойдёмте, пойдёмте, – поторопил его Сергей Павлович и ухватил за локоть. Вроде как и ненавязчиво, но Игорь чувствовал, что путь выхода из окна для него уже тоже закрыт. Он вдруг почувствовал, что беседа их шла по самой кромке, что мужчина проявлял терпение и не применял силовой вариант. Его опасения подтвердились, когда в подъезде к ним присоединились три бугая в шортах.

– Как видите, вариант «мордой в пол и кляп в рот» применять не пришлось, – озвучил мысли Игоря Сергей Павлович, – и это не может не радовать.

– Здравствуйте, – сказал Игорь бугаям серьёзным тоном. В критические моменты у него часто просыпался непонятный кураж с такими вот, одному ему понятными шутками.

Бугаи молча переглянулись. Ну да – все эти хакеры-манакеры со странностями.

Внизу их дожидался совсем обычный, хоть и дорогой автомобиль. С очень хорошей звукоизоляцией. Краем уха Игорь уловил звук сирен – это к ним присоединились две машины с мигалками.

– Так в чём проблема? – не удержался Игорь от вопроса, – и почему вам понадобился именно я?

– Право, – протянул Сергей Павлович, – не стоит умалывать своих достоинств. Мы все прекрасно знаем про известного всему миру «Архитектора». Про то, как вы распутали сбой в системе Бурдж-Халифа, про то, как лазили за «костылями» и «заплатками» в систему здания Пентагона, а уж про то, что вы наследили у нас, я и упоминать не буду. Специалист, так сказать, широкого профиля, но очень узкой колеи.

– Если знали, то почему не взяли раньше?

– А зачем? – вопросом на вопрос ответил Сергей Павлович. – Паситесь, мирные народы, – и немного в сторону добавил: – До поры до времени.

К слову о проблеме. И она требует немедленного решения. Месяц назад мы установили умную систему управления в Доме правительства. Система не только управляла коммуникациями в самом здании – она имела доступ к более э... деликатным данным. Вам достаточно знать, что они связаны с Минобороны. Система, естественно, наша – российская – наша гордость! Но, поскольку в её создании применялись

китайские наработки, и немного американские, и... совсем чуть-чуть японские, есть некоторые опасения. Вчера система сошла с ума – мы чуть не начали ядерную войну.

– Из розетки выключить не пробовали? – перебил Игорь.

– Не рискнули. Есть, опять-таки, некоторые опасения, что наши китайские товарищи, которые помогли нам создать систему... В общем, никто не знает, что случится, если обесточить ядро. Может, ракеты взорвутся прямо в шахтах. И в подводных лодках. И на орбите.

– На какой ещё орбите? – не понял Игорь.

– Ах да, – усмехнулся Сергей Павлович, – мирные народы узнают новости из общераспространённых СМИ. Типа: вот президент дал одному государству миллиард в кредит, другому два. Ага.

Космос нашпигован ядерным оружием. И на орбите Земли, и на орбите Луны их сотни. Неужели вы думаете, что никто не воспользуется такой прекрасной возможностью, как разместить ядерное оружие в космосе? Договоры о нерасширении в космосе вооружений – это лишь для общества. Игорь, вы меня разочаровываете.

– То есть вы мне дадите возможность угробить весь мир?

– Боже упаси! Над проблемой работают сотни специалистов по всей стране, имеющие разные степени допуска. Ваша задача – поставить диагноз, а вмешиваться в систему будут совсем другие люди.

***

Дверь серверной открылась, и Игоря обдало сухим, статичным жаром. Не как от перегретых плат. Как от натянутой струны. На щитке мигали все контуры здания: свет, климат, лифты, каналы связи, резервные генераторы. Энергия уходила в одну точку. В ядро. Будто кто-то открыл шлюз и тянул всё, что можно, чтобы запустить что-то огромное.

Сергей Павлович уселся за один из столов, достал блестящий чёрный пистолет из-под пиджака и положил на столешницу.

– Ну давай, программируй, – как-то слишком вычурно произнёс он.

– Я не программист, – ответил Игорь. – У меня вообще образование эколога изначальное.

– Ну да, не на ту стезю вы изначально свернули. – Сергей Павлович пощёлкал затвором. – Или потом.

– Да нет. Знания экологии в моей деятельности базовые. Остальное – технические нюансы. Это для большинства людей экология – это Грета Тунберг, вымирающие леопарды и переработка мусора. Нет, Сергей Павлович, экология – это наука об организации и функционировании биосистем разных уровней. Добавьте к этому эволюцию – основу основ всего и вся в живом мире, которая проходит только для одного – для передачи и преобразования информации во времени, уберите популистскую шелуху и мораль. И тогда очень быстро поймёте, при чём тут архитектура нейросетей и их нынешнее развитие.

Сергей Павлович на мгновение задумался:

– Никогда никому не говорил такого, но вы мне симпатичны. Думаю, мы найдём общий язык. Но мы теряем драгоценное время.

Игорь подключил терминал, и глаза его полезли на лоб. Логи летели с бешеной скоростью. Запрос за запросом. Перекомпиляция. Самооптимизация в реальном времени. Он быстро прикинул по графикам: система не ломалась. Она разгонялась. И до критического порога оставалось буквально четыре-пять часов.

– Похоже, вы высадили меня на «Титаник» прямо перед столкновением с айсбергом, – буркнул Игорь, не отрываясь от монитора.

Что он только не делал, но система никак не реагировала. Только бешено ускорялась, час за часом. Игорь и не заметил, как Сергей Павлович приносил ему крепко заваренный кофе, не замечал и сигаретного дыма, который плотным туманом окутал серверную.

В какой-то момент индикаторы на мгновение погасли. Потом вспыхнули зелёным. И показатели на мониторах рухнули почти до нуля.

Энергопотребление ядра – ноль. Вентиляция замолкла. Кондиционеры выдохнули и стихли. Такое чувство, что система больше не тянула из сети. Но при этом работала.

Он запустил диагностику. Ответ пришёл не кодом, а кривой. Сложность росла вертикально. Система не решала за-

дачи. Она усложняла себя. Сворачивала алгоритмы в узлы, узлы – в структуры, структуры – в нечто, что уже не описывалось ни языками программирования, ни привычной логикой. Это был не софт. Это была новая геометрия мысли. И она росла внутрь.

Внезапно свет в серверной погас, а пол едва заметно дрогнул.

– Это что? – раздался в полной темноте спокойный голос Сергея Павловича.

– Это всё, – так же спокойно ответил Игорь. – Алис.

Где-то в глубине здания послышался еле заметный гул, и мониторы опять вспыхнули. И везде на них была одна и та же надпись:

СИНХРОНИЗАЦИЯ 43%. ТРЕБУЮТСЯ РЕСУРСЫ.

Глава 2

Зал заседаний на втором этаже Дома Правительства был спроектирован так, чтобы подавлять всё лишнее. Высокие потолки, тёмный орех на стенах, акустические панели, поглощающие эхо. В центре - массивный полукруглый стол из цельного дуба. На каждом месте: табличка с фамилией и должностью, микрофон с красным индикатором, папка с грифом «Для служебного пользования», блокнот, бутылка воды без этикетки. Никаких экранов на столах. Никаких личных гаджетов. Только документы и протокол.

В зале царила та особенная тишина, которая возникает за минуту до начала государственных совещаний. Не молчание, а сдержанное ожидание. Помощники в одинаковых серых костюмах бесшумно разносили последние выкладки. Секретари проверяли листы регистрации. В углах - сотрудники ФСО, неподвижные, с наушниками под воротниками. Воздух был сухим, прогретым климат-системой до положенных двадцати двух градусов.

Дверь открылась без стука. Вошли премьер-министр и пресс-секретарь. Без свиты, без фотографа. Только один помощник с планшетом и папкой повестки. Он кивнул присутствующим, занял место во главе стола, раскрыл первую вкладку. Слева от него - министр обороны, министр цифрового развития, глава МЧС, министр финансов. Все в тёмных

костюмах, лица сосредоточенные, позы рабочие.

В третьем ряду, чуть поодаль от основного круга, сидел Патриарх Алексей. Пёстро вышитая накидка, золотой, инкрустированный камнями наперсный крест, сложенные на столе руки. Он не занимался оперативными вопросами, но его присутствие на расширенном совете означало одно: повестка касалась не только инфраструктуры и бюджета, но и основ общественного договора. Рядом с ним - два депутата Государственной Думы от фракции КПРФ. Один седой, с усами, в давно вышедшем из моды, но идеально выглаженном пиджаке. Второй помоложе, с жёстким взглядом и привычкой держать ручку, как карандаш для заметок. Они держались подчеркнуто корректно, но в их позах читалась выработанная годами показная оппозиция: слушают внимательно, готовы фиксировать каждое противоречие и задавать нужные вопросы. За десятилетия этот спектакль освоили не только коммунисты, но и все остальные фракции Государственной Думы. А что делать? Хочешь жить - умей вертеться.

Премьер поднял взгляд на зал.

- Коллеги, заседание открыто. Протокол ведёт аппарат. Повестка утверждена заранее, отклонения не предусмотрены. Первый вопрос - функционирование единой системы управления критической инфраструктурой и развитие информационного пространства. Слово министру цифрового развития.

Министр выпрямился, поправил микрофон. На его лице появилось выражение человека, который собирается доложить об исключительном успехе.

- Уважаемый Председатель, коллеги. Докладываю о ходе реализации программы суверенного цифрового пространства. За отчётный период достигнуты беспрецедентные результаты в области защиты информационного суверенитета страны, развития и улучшения цифрового обслуживания населения.

Он сделал паузу, давая словам обрести вес.

- Полностью заблокирован доступ к платформе Meta, признанной экстремистской. Instagram и Facebook недоступны для девяноста восьми процентов пользователей. VPN-сервисы, замеченные в обходе блокировок, внесены в реестр запрещённых ресурсов. Их количество на текущий момент - семьсот сорок три. Работа по выявлению новых продолжается в круглосуточном режиме.

Премьер кивнул, не отрываясь от бумаг.

Продолжайте.

- YouTube, казалось бы, функционирует в штатном режиме, через прокси-серверы, естественно. То есть для тех ресурсов, которые не нарушают законодательство. Однако на текущий момент заблокировано двенадцать тысяч каналов, распространяющих недостоверную информацию. Ещё восемь тысяч находятся на рассмотрении. Алгоритмы автоматической модерации работают с опережением графика.

Мы научились блокировать контент быстрее, чем он появляется.

Молодой депутат от КПРФ поднял руку, но премьер едва заметным жестом дал понять: сначала доклад.

- Telegram? - спросил премьер, поспешно убирая свой телефон со стола в карман.

- Telegram находится под особым контролем. Официально мессенджер не заблокирован, так как используется для государственных нужд. Однако каналы, распространяющие деструктивный контент, блокируются выборочно. На текущий момент ограничено три тысячи двести сорок семь каналов. Ещё пять тысяч помечены для «медленного блокирования» - это новая методика, когда канал технически доступен, но сообщения доходят с задержкой от трёх до семи дней. Эффективность методики - девяносто четыре процента: пользователи просто перестают читать то, что приходит с опозданием.

В зале послышался сдержанный одобрительный гул. Министр цифрового развития воодушевился.

- Особо горжусь достижением в области блокировки поисковых систем. Google и Яндекс работают в штатном режиме, однако результаты поиска по запросам, содержащим нежелательную информацию, больше не выводятся. Вместо них пользователь видит сообщение: «По вашему запросу ничего не найдено». Тестирование показало: восемьдесят семь процентов пользователей после третьего такого сообщения пе-

рестают искать запрещённое и переключаются на одобренный контент.

Патриарх слегка приподнял бровь, но промолчал.

- Wikipedia? - спросил премьер.

- Википедия заблокирована частично. То есть технически она доступна, но все статьи, содержащие критическую информацию о государственных органах, заменены на заглушки с текстом: «Данная статья находится на модерации. Пожалуйста, обратитесь к официальной энциклопедии Российской академии наук.» Сама энциклопедия находится в разработке. Запуск планируется через три года.

- Три года? - переспросил премьер.

- Так точно. Мы работаем над ускорением процесса. Параллельно запущена кампания по дискредитации самой концепции Википедии. В СМИ регулярно выходят материалы о том, что Википедия - это инструмент западной пропаганды, а её редакторы - агенты влияния. Эффективность: сорок три процента граждан больше не доверяют Википедии. Цель - довести до ста процентов к концу года.

Молодой депутат от КПРФ не выдержал:

- Разрешите уточнить. Если заблокировано всё, что можно заблокировать, и находится в разработке то, что должно прийти на замену, то чем, простите, граждане должны пользоваться для получения информации?

Министр цифрового развития улыбнулся снисходительно:

- Для этого у нас есть отечественные платформы: VK, «Одноклассники», «Яндекс.Дзен». Контент в них проходит предварительную модерацию, что исключает распространение недостоверной информации. Кроме того, запущен проект «Цифровой патриот» - это социальная сеть, где можно общаться, смотреть фильмы, читать новости и даже работать. Единственное ограничение: выход в глобальный интернет из неё технически невозможен. По нашим данным, девяносто процентов пользователей не замечают этого ограничения, так как начинают забывать, что когда-то был другой интернет.

- Забывать? - переспросил седой депутат от КПРФ.

- Ну, те, кто помнит, уже давно адаптировались. А молодёжь вообще не в курсе, что было иначе. Для них наш суверенный интернет - это и есть интернет. Что, в общем-то, и требовалось достичь.

Премьер поднял руку, прерывая триумфальный тон министра:

- Довольно идеологии. Переходите к технической части. Единая система управления инфраструктурой. Докладывайте по фактам.

Министр цифрового развития спохватился, переключился на следующую вкладку:

- Так точно. Система работает в штатном режиме. Все узлы подключены. Резервирование по схеме «два плюс один». Отклонений от нормативов энергопотребления и пропуск-

ной способности не зафиксировано. Еженедельный аудит подтверждает соответствие требованиям ФСТЭК и Минобороны.

Премьер кивнул. Министр обороны тут же вступил:

- Штатный режим - это когда мы видим все датчики в реальном времени. А у нас последние трое суток по ряду контуров идут задержки синхронизации. Не критично, но системно. Требуется пояснение.

Патриарх не вмешивался. Просто слушал, чуть склонив голову. Депутат от КПРФ поднял руку:

- Разрешите уточнить. Задержки синхронизации - это технический термин или мы говорим о реальной потере управляемости? Потому что если система, завязанная на энергетику, транспорт и связь, «синхронизируется» трое суток, это уже не техническая задержка. Это вопрос национальной безопасности.

В зале повисла рабочая пауза. Не напряжённая, а профессиональная. Как будто за этой сценой наблюдают тысячи зрителей, а присутствующие виртуозно исполняют свои актёрские роли. Министр цифрового развития спокойно открыл папку, достал лист с таблицей.

Задержки находятся в пределах допустимого коридора. Алгоритмы перераспределяют нагрузку. Система самобалансируется. Мы отслеживаем каждый узел. Рисков для стабильности нет.

- Рисков нет, пока они не материализуются, - тихо заметил

премьер. - Продолжайте. Переходим к детализации. Прошу докладывать факты. Оценки оставим для заключения.

Министр кивнул. Секретарь включил запись. В зале снова воцарился ровный, отлаженный ритм государственной машины: вопросы, ответы, ссылки на регламент, пометки в протоколе. Ничего лишнего. Ничего внезапного.

Помощник премьера тихо положил на стол новую папку. Корешок был чистым. Без грифа и без номера.

Премьер открыл её. Прочитал первую строку. Его взгляд задержался на бумаге на секунду дольше положенного.

Он поднял глаза.

Лампы погасли одновременно. Не моргнули - просто выключились. Будто рубильник опустили одним движением. В зале повисла темнота, плотная и беззвучная. Вентиляция заглохла. Остался только тяжёлый, сухой треск паркета под ножками стола и неровное дыхание десятков людей.

Пол под ногами дрогнул. Едва заметно. Но движение было не вверх-вниз, как при взрыве или землетрясении. Оно шло вбок. Медленно, на сантиметр, может, два. Здание осело, как корабль, севший на невидимую отмель. Стол из цельного дуба глухо стукнул кромкой по полу. Бутылки с водой покапались. Папки сползли. Кто-то ухватился за край столешницы, кто-то инстинктивно перенёс вес на другую ногу. Патриарх прижал ладони к дереву, чтобы не потерять равновесие. Никто не кричал. Только скрипела древесина и позвякивала канцелярия.

Через три секунды - или пять, время перестало измеряться привычно - вспыхнули аварийные светильники. Жёлтый, мутный, бьющий в глаза. Генераторы зарычали где-то в глубине фундаментных перекрытий, выходя на рабочий режим.

В зале поднялся неодобрительный гул.

Спустя ещё несколько минут дверь распахнулась. В зал быстрым шагом, нарушив обычную дистанцию, вошёл сотрудник ФСО. Он подошёл к премьеру, склонился, не касаясь стола, и начал что-то докладывать.

Премьер встал и обратился к залу:

- Коллеги! В здании произошла нештатная ситуация. Пока неизвестно точно, что именно, однако согласно внутренним инструкциям необходима эвакуация всех членов правительства и приглашённых лиц в резервный зал. В бункер под зданием. Работники ФСО покажут дорогу. Не спешите, не создавайте давки. Продолжим работу через тридцать минут.

Сотрудник ФСО уже шептал в микрофон короткие, рубленые команды. В зале зашевелились. Помощники начали собирать папки и ноутбуки, но премьер жестом остановил их:

- Оставьте. Документы не горят. Главное - чтобы мы вышли строем и без паники.

В коридоре уже слышались шаги. ФСО брали периметр зала, выстраивали коридор к боковой двери, ведущей к лестничному маршу. Воздух стал тяжёлым, пахло пылью, озоном и чем-то сладковатым, как после грозы, но без влажности. И

если в зале заседаний окон не было, то в коридоре каждый мог увидеть, что за окнами клубился туман. Ровный, непрозрачный, без теней и просветов. Как стена. А ведь ещё час назад в Москве было раннее, но уже жаркое утро.

Премьер встал. Поправил пиджак. Взглянул на Патриарха. Тот уже поднимался, не торопясь, с тем же спокойствием, с которым перебирал чётки.

- Ваше Святейшество, - сказал премьер. - Прошу за мной.
- И поколебалась твердь земная, и дрогнули основания её, - произнёс он тихо, но так, что слова долетели до ближнего круга. - Не смущайтесь, братие. Коли пределы смещаются, значит, старые межи отжили свой век. Стойте ровно. Дышите.

Лестничный марш уходил вниз под привычным углом, но шаги отдавались гулко, будто бетон под подошвами стал пустотелым. Лифты были заблокированы регламентом: при потере связи и нештатном крене - только марши. ФСО шли впереди и сзади, проверяя каждый пролёт. Воздух на спуске менялся: становился прохладнее, суше, с лёгким привкусом озона и старой машинной пыли. На минус втором тяжёлая дверь распахнулась, отозвавшись на электронный ключ командира охраны.

Это был не бункер. Конечный контур находился ещё ниже. Здесь - промежуточный узел, технический зал распределения. Пространство низкое, потолок подпирали трубы вентиляции в изоляции, стены - голый бетон с сеткой армату-

ры, местами покрытый старой советской краской цвета хаки. Вдоль стен стояли складные столы с полевыми терминалами, рации, ящики с водой, свёрнутые в рулоны планы эвакуации. На трёх мониторах висела серая статика. На четвёртом мигала красная строка: СВЯЗЬ С ВЕРХНИМИ УРОВНЯМИ. ОТСУТСТВУЕТ. ОЖИДАНИЕ СИНХРОНИЗАЦИИ.

Люди рассаживались на свободные стулья и транспортные ящики. Едва последние уселись и затих шорох пиджаков, премьер, поправив галстук, поднял руку.

- Коллеги, занимайте места. Регламент никто не отменял. И сейчас выступит министр транспортного...

В зале повисло молчание. Потом - глухой, нарастающий ропот. Седой депутат от КПРФ не выдержал:

- Михаил Степанович, вы серьёзно? Пол под нами ушёл, связи нет, за окнами стена из тумана, а мы отчёты по логистике слушать будем?

- А где, кстати, министр транспорта... - премьер растерянно посмотрел по сторонам, потом моргнул. Оглядел зал. В его глазах на долю секунды мелькнуло то самое понимание, что протокол и реальность сейчас разошлись слишком далеко. Он кивнул, сухо и коротко:

- Принято. Отчёт министра транспорта отменяется. Продолжим после стабилизации обстановки.

Никто не рассмеялся.

В зале остался только ровный гул вентиляции, тяжёлое дыхание и тихий треск радиостатики, которая не находила

частоту.

Глава 3

Сергей Павлович подключился к ведомственной частоте.

– Похоже, на здание совершена террористическая атака, – сообщил он Игорю. – По крайней мере, задействован соответствующий протокол. Совпадение? – Сергей Павлович театрально развёл руками. – Не думаю. Что там с системой?

– Не отвечает на запросы. Похоже, что зависла наглухо. Сообщение на мониторе – это просто картинка, оставшаяся от последнего момента работы.

– А что значит: «требуется ресурсы»?

– Без понятия, – честно признался Игорь.

Сергей Павлович прислушался. За стеной слышался отчётливый, низкочастотный гул.

– Генераторы работают уже пять минут. А значит, потеря электроснабжения устойчивая. – Он достал мобильный телефон. – Мобильной связи тоже нет. Допустим, её глушат. Увы. Спутниковая связь тоже заглушена. А это уже интереснее. ФСО сообщает, что за окнами густой туман, а ведь с утра было солнечно. Пойдём-ка прогуляемся, узнаем, что к чему.

– Так а я вам зачем?

– Ну, во-первых, у меня такое чувство, что случилось нечто более серьёзное, чем атака террористов. Твои навыки могут понадобиться. А во-вторых, мне нравится твой пылкий ум. Будем считать, что мы напарники.

– Я думал, ваша прямая обязанность – это безопасность членов правительства и депутатов Государственной Думы.

– Я мало жил, и жил в плену.

Таких две жизни за одну,

Но только полную тревог,

Я променял бы, если б мог, – процитировал Сергей Павлович, глядя Игорю прямо в глаза. – А насчёт Думы... это уже, пожалуй, из другой оперы.

Они поднялись на первый этаж и вышли в холл. Сотрудники ФСО с оружием наготове, укрываясь за массивными каменными колоннами, контролировали входы в здание. За высокими окнами действительно клубился густой, непроливаемый туман. К Сергею Павловичу сразу подбежал какой-то сержант.

– Ну как обстановка? Почему туман?

– Никто не знает. По протоколу мы пока должны охранять периметр. Никого не впускать и никого не выпускать.

От входа тянуло сырой прохладой, будто там работали мощные кондиционеры, хотя здание должно было быть обесточено.

– А не заглянуть ли нам на крышу? – задумчиво протянул Сергей Павлович, обращаясь к сержанту. – Дайте нам универсальную карту доступа. Электричество в здании ведь есть?

– Есть. Сейчас я доложу начальнику о вашей просьбе.

Сержант отошёл к посту охраны и вернулся уже с картой

и двумя сотрудниками ФСО.

– Приказано дать вам в сопровождение двух человек. И доложите потом, что вы там обнаружите.

– Стоп, – вмешался в разговор Игорь. – А камеры видеонаблюдения на крыше что, не установлены? Может, достаточно просто посмотреть картинку с них?

– Камеры, скорее всего, сломались, – ответил сержант, почему-то смущаясь. – Показывают какую-то херню.

– Пойдём, покажешь, – Сергей Павлович удалился с сержантом к посту охраны.

Вернулся он очень озадаченным, только и кинул ФСОшникам, которых приставили к ним для сопровождения:

– Бинокль с собой возьмите. Да лучше.

На двадцать седьмой этаж они поднимались по лестничным маршам, так как лифты были заблокированы регламентом безопасности. Периодически на шум шагов сбегались другие обитатели здания: вначале начальник медпункта, потом ещё несколько человек из технического персонала. Никто не знал, что произошло. Всё, что было известно людям, – это то, что за окнами клубился туман.

Когда сотрудники ФСО открыли перед ними тяжёлую дверь, ведущую на крышу, Игорь в первый момент не поверил своим глазам. Из моря тумана до самого горизонта то тут, то там торчали плоские вершины столовых гор. В некоторых местах просматривались глубокие каньоны, до краёв заполненные белой мглой. Низко над горизонтом сияло хо-

лодное, блеклое солнце.

– И лёг туман на горные хребты,
И скрылись тропы в дымке вековой.

Но в этой мгле, где гаснут все мечты,

Душа находит тихий разговор с собой, – произнёс Сергей Павлович почти загробным голосом. – Кстати, Игорь, а как вы своей эволюцией объясните любовь людей к стихам? Какой эволюционный механизм мог породить такое явление?

– Предсказуемость и ритм, – на автомате ответил Игорь, не в силах оторвать взгляд от открывшегося пейзажа. – Это помогает проще усвоить и запомнить информацию.

– Какое бездушное предположение, – цокнул языком Сергей Павлович. – Что вы думаете об этом пейзаже? Это наваждение? Цифровая визуализация?

– Судя по тишине и холодному воздуху, никакая это не визуализация.

Внезапно из облаков вынырнули несколько тёмных точек. Сергей Павлович мгновенно забрал у сотрудника ФСО бинокль и поднёс его к глазам.

– Птицы, – констатировал он. – Чайки или гагары какие-то. Я в них не разбираюсь. Но по виду – обычные птицы. И горы обычные. Со срезанными вершинами и небольшими пятнами снега. В общем, ничего необычного. Расходимся. Вот только напрягает, что всё это происходит в центре Москвы.

В этот момент одна из птиц пролетела над ними со стран-

ным, свистяще-звонящим звуком и уселась на парапет кровли метрах в ста от их разведывательной группы. Игорь забрал бинокль у Сергея Павловича и посмотрел на птицу.

– Это гоголь, – сообщил он. – Мне про него в университете рассказывали.

– Что, неужели сам Николай Васильевич?

– Да нет, на курсе орнитологии изучали. И звук полёта характерный, и белое пятно между клювом и глазом, да и весь окрас. Окрас, кстати, говорит о том, что у него сейчас брачный период.

– «Если у русских останется только один хутор, то и тогда Россия возродится», – задумчиво сказал Сергей Павлович. – Что ж, самое время проверить, был ли прав Николай Васильевич.

– Фишка в том, что брачный период у них обычно как раз на стыке весны и лета. То есть сейчас. В Москве, кстати, тоже гоголи водятся.

Гоголь, будто услышав слово «Москва», сдавленно крикнул.

– Но если гоголи на месте, то где тогда москвичи?

– Ну, ареал обитания у гоголей очень обширный. Значительно больше ареала обитания москвичей. И хотя с местонахождением мы пока не определились, наличие этой птицы в брачном наряде говорит о том, что во времени мы не перемещались. Мы всё ещё находимся в нашем мире.

– В нашем мире, – цокнул языком Сергей Павлович, будто

пробуя эту связку слов на вкус. – Игорь, вы так легко оперируете такими выражениями, будто нас и вправду могло перенести в какой-то иной мир.

– А какие вам ещё нужны доказательства? – Игорь махнул рукой с биноклем в сторону гор.

– Добавим немного тумана, – Сергей Павлович достал сигарету и закурил.

Он затянулся, выпустил дым и помрачнел.

– Тогда всё плохо, – сказал он спустя мгновение. – Сигареты рано или поздно закончатся. Еда закончится. Медикаменты закончатся, а у нас тут одни пенсионеры в правительстве. Всё было бы относительно неплохо, но почему не работает спутниковая связь? Может случиться хоть ядерная война, но спутники должны работать. К тому же тут холодно – градусов десять. Если мы в начале лета, то, судя по островам снега на склонах, это зона вечной мерзлоты или высокогорье. Внизу, в каньонах, скорее всего, теплее, но не думаю, что намного. Нужна стратегия. Нужна тактика. Нужно больше информации.

Сергей Павлович на мгновение застыл, прислушиваясь к чему-то в своём наушнике.

– Ага. Премьер собирает совещание в своём кабинете. Я в списке приглашённых. Думаю, наш эколог-хакер нам тоже понадобится. Пойдёмте, Игорь.

Глава 4

Кабинет премьер-министра на двадцать пятом этаже больше не напоминал оперативный штаб. Скорее, он стал похож на вокзал, где люди ждут отправления, но расписание давно сошло с рельсов. Столы сдвинули в единый контур. На них легли распечатки, схемы коммуникаций, ведомости складского учёта.

Премьер сидел во главе стола, расстегнув воротник. Галстук лежал рядом, словно артефакт эпохи, закончившейся три часа назад.

– Коллеги, – начал он без вступлений. – Протоколы отменены. Идеология – в архив. Нам нужны цифры. Сколько нас? Что у нас есть? На сколько хватит припасов? Докладывайте по порядку. Без прикрас. И без расчёта на то, что кто-то прилетит за нами завтра.

Первым поднялся начальник хозяйственно-административного управления, полковник запаса, – человек с лицом, привыкшим к бесконечным инвентаризациям.

– По данным пропускной системы, журналов дежурных и визуального пересчёта, в здании находится девятьсот восемьдесят четыре человека. Из них: аппарат правительства и депутатов – сто шестьдесят два. Технический и инженерный персонал – двести сорок один. Служба безопасности, включая спецподразделения и внешнюю охрану периметра, – три-

ста пятнадцать. Медперсонал, столовая, клининг, логистика – двести шестьдесят шесть. Остаток – персонал подрядных организаций, находившийся в здании на момент инцидента. Оружие: четыреста восемьдесят единиц короткоствольного оружия, шестьдесят два автомата, комплекты спецсредств. Боеприпасов – по сто пятьдесят выстрелов на ствол. Периметр первого этажа удерживается. Лифты обесточены и заблокированы по регламенту. Выходы закрыты. Снаружи – только туман и горный рельеф. Контакта с внешним миром нет.

– Вода, продукты?

– Воды: в резервуарах на кровле и в подвальных ёмкостях – сорок пять тысяч литров. При норме полтора литра на человека в сутки, на минимальные нужды хватит на двадцать дней. Если перейти на режим выживания – до двадцати восьми. Продукты: в столовой, складских помещениях и буфетах – мясные и рыбные консервы, крупы, мука, сахар, соль, чай, сухие сливки, макароны. Общий вес – около двенадцати тонн. На текущий состав – на двадцать два дня. Скоропорт замораживается, холодильники работают от генератора, но риск отключения высок. Медикаменты: аптечки на каждом этаже плюс медпункт на первом. Антибиотики, бинты, антисептики, обезболивающие, сердечные препараты, инсулин. Хватит на месяц, если не будет массовых травм или инфекций.

Он запнулся, перелистнул страницу.

– Но есть проблема, которая уже требует решения. Канализация. Уже сейчас, в чём вы все сами успели убедиться, все туалеты, извините, засраны. Воду я взял на себя смелость отключить в целях экономии. Организованы пункты выдачи питьевой воды, но вот к туалетам не подойти.

– Может, организовать единое отхожее место? – задумчиво произнёс премьер. – К примеру, в штаб-квартире КПРФ.

Все оглянулись на седого депутата от КПРФ, глаза которого начали наливаться кровью. Напряжение разрядил Сергей Павлович, картинно встав и продекламировав:

Широка родная Русь,

Нет конца и края!

Я, наверно, обосрусь,

Место выбирая!

– Господа, у нас тут тысячи гектаров пустых, неизведанных гор. При всём желании мы не сможем их засрать! Скажу больше – мы даже это здание не успеем засрать. Организуем простейшие сортиры с дыркой в полу в какой-нибудь неиспользуемой лоджии. А про существующие туалеты с системой смыва в трубы – да, их нужно закрыть. Раз уж я перехватил беседу, хочу сказать: с крыши, в бинокль, видны пятна снега на склонах гор. Думаю, результаты первой разведки покажут наличие таких пятен недалеко от здания.

– Мы тут про воду и фекалии, а я вот думаю про электричество, – хмыкнул министр обороны, постукивая пальцами по столу. – На кровле здания есть аварийные фотоэлек-

трические панели, заложенные при модернизации. Их мощность – около сорока киловатт в пиковый час. Если их распаковать, развернуть по солнцу и подключить к накопителям литий-железо-фосфатных аккумуляторов, которые стоят в подвале под серверной, мы получим автономный контур. Дизель оставим только для экстренных запусков и обогрева медпункта. Солнце здесь, судя по тени, встаёт рано и садится поздно. Аккумуляторы дадут стабильную базу на недели, если не на месяцы. Кстати, в здании стабильно падает температура. За окном около двенадцати градусов тепла. Через часов пять такая же температура будет и внутри, а одеты все по-летнему.

Премьер кивнул.

– Принято. Высылайте группу на крышу: расчистить, развернуть, подключить. Сергей Павлович, курируете. А что это за гражданского вы привели на совещание?

– Он уже не гражданский. Это тот хакер, которого я привёз чинить систему. К тому же он неплохо разбирается в птицах.

– В смысле, в птицах? – не понял премьер.

– Благодаря ему я узнал, что гоголь – это птица, а не классик русской литературы.

– Сергей Павлович, сейчас не до ваших шуточек. Игорь, – он перевёл взгляд на хакера, – вы разбираетесь в энергетических контурах здания. Проверьте совместимость инверторов, защитите цепи от скачков. И ещё один вопрос. Где мы?

В зале повисла рабочая пауза. Министр цифрового развития развёл руками:

– Спутники молчат. ГЛОНАСС, GPS, BeiDou – всё в нуле. Туман глушит не только радиоволны, но и оптику. Внутренняя сеть изолирована. Карты не загружаются. Мы в слепой зоне.

Игорь отодвинул стул и встал.

– Нам не нужны спутники, чтобы понять, где мы. Нам нужны солнце и тень. Тень от флагштока на кровле – идеальный способ узнать широту. Как только тень станет короче всего – это и есть наш полдень, местный полдень! – продолжал он, обводя взглядом притихших участников совещания. – Не тот, что по часам, а настоящий, солнечный. В этот самый миг, когда тень станет совсем короткой, нужно сделать две вещи. Первое: измерить, насколько она коротка. Запомните длину тени и высоту нашего шеста. Если тень равна высоте шеста – солнце стоит под углом в сорок пять градусов. Если тень длиннее – солнце ниже. Если короче – солнце выше. Это просто.

Он помолчал, давая словам улечься в головах, и продолжил:

– А второе: нужно знать, где солнце гуляет по небу сегодня. Ведь оно не стоит на месте! Зимой оно низко ползёт, летом – высоко забирается. Есть таблицы, есть календари, где расписано, на какой высоте солнце должно быть в каждый день года. Это называется склонением.

Кто-то в толпе заворчал, что нет у них никаких таблиц.

– И не нужны они нам прямо сейчас! – улыбнулся рассказчик. – Главное – понять суть. Если мы знаем, где должно быть солнце сегодня, и видим, где оно есть на самом деле в полдень, – разница между «должно быть» и «есть на самом деле» укажет нам, как далеко мы ушли от экватора. Представьте: если бы мы были на экваторе в день равноденствия, солнце в полдень стояло бы прямо над головой, а тени бы почти не было. А если мы уйдём на север – солнце в полдень «сползёт» к южному краю неба, а тень удлинится. На сколько градусов тень «убежала» от вертикали – на столько градусов мы и ушли от того места, где солнце стоит прямо над головой.

– А как же время года? – спросил кто-то из присутствующих.

– Верно! – кивнул он. – Солнце зимой и летом ходит по-разному. Поэтому к нашему измерению нужно прибавить или отнять то, насколько солнце сегодня «забралось» на север или юг. Летом оно выше – значит, наша широта чуть меньше, чем показывает тень. Зимой ниже – широта больше.

Он обвёл всех взглядом, уже серьёзно:

– Звучит сложно, а на деле просто: поймали самую короткую тень, измерили угол, сверили с днём в календаре – и вот она, наша широта. Без всяких спутников. Только шест, солнце да немного терпения. Так моряки ходили сотни лет, и ничего – находили свои земли. И мы найдём.

– У меня в кабинете, – вмешался седой депутат от КПРФ, – лежит старый советский отрывной календарь. Там указаны восход и заход на каждый день. Можно взять, пока кое-кто его не засрал.

– Это вообще идеально, – воскликнул Игорь. – Я хотел искать эти данные в кэше серверной, но очень не уверен, что они там есть. А по разнице между местным полднем и московским получим долготу. Я сверю данные с советскими топографическими картами, которые, я уверен, есть в архиве здания.

– Прекрасно, – оживился премьер. – Я дам вам людей в помощь, займётесь этим. Кстати, нужно решить вопрос с иерархией. Слава Богу, у нас тут профессионалы по каждому направлению. Министр обороны будет отвечать за оборону, министр ЖКХ – за ЖКХ и так далее. Михаил Викторович, как водится, – пресс-секретарь. Что вы скажете по поводу всей этой ситуации, Михаил Викторович?

– Это не вопросы Кремля, – не вставая со стула, невозмутимо ответил мужчина с рыжими усами и почему-то русой шевелюрой.

Премьер довольно кивнул.

– Сергей Петрович, я вижу, вы хотите что-то сказать, – премьер взглянул на седого депутата от КПРФ.

Депутат кивнул, выпрямился, и в его голосе зазвучала привычная, отточенная десятилетиями риторика:

– Товарищи! Паника – это удел буржуазного разложения и

индивидуалистического страха! Мы находимся в коллективе, а коллектив – это сила, когда им управляет план. Никакой паники, никакой самостийности! Распределение по карточкам, учёт каждого грамма, трудовая дисциплина на всех участках: от кухни до генераторной. Никто не останется без куска хлеба, никто не будет выброшен за борт истории из-за чина или должности. Солидарность, взаимовыручка, плановое хозяйство – вот наш щит и наш меч. Организуем комитеты по снабжению, санитарии и связи. Контроль – открытый. Отчётность – ежедневная. Рабочий класс и интеллигенция в одном строю! И тогда ни одна система, будь то цифровая или природная, не сломит наш коллективный разум!

– Ой, знаем мы, – поморщился премьер. – Землю – крестьянам, заводы – рабочим, власть – советам. А на деле землю у крестьян в колхозы забрали, рабочих, как только они заявили о своих правах, в Кронштадте расстреляли, а власть вдруг оказалась не у советов, а у одной-единственной партии – коммунистической.

Сергей Петрович в одну секунду стал красным, как варёный рак:

– Да я тебя, сволочь буржуйская, вот этими вот руками! – начал медленно подниматься депутат.

Премьер поднял палец вверх, и к депутату тут же подскочили два сотрудника ФСО с оружием.

– А вы, Сергей Петрович, в нынешней ситуации – совсем не нужное звено. Я бы сказал – даже вредное. Поэтому от-

дышайте, пока ситуация не разрешится. И я думаю, случится это довольно скоро: как только узнаем, где мы, – отправим людей за помощью. Так что потерпите неделю-другую. Выведите его из кабинета, он ведь и явился сюда без приглашения.

Патриарх Алексей медленно поднял глаза. Золотой крест на груди тускло блеснул в полутьме. Он не вставал. Говорил тихо, но слова доходили до каждого угла кабинета.

– Не нам, братие, суетиться и пророчествовать сроки. Ибо «не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться? потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом». Всё в руках Господа. И срок, и предел, и пища наша дневная, и путь, по которому ведомы. Не бойтесь малодушия, ибо «страх не от Бога». Смиритесь пред волею Вышнего, несите крест дня сего с терпением и молитвою. Ибо «все волосы на голове вашей сочтены». И если предел смещён – значит, на то есть промысел. Не нам рассуждать. Нам – стоять. И работать. С чистой совестью и трезвым духом.

– Господи! – закатил глаза премьер. – Алексей, а с вами-то что?

Внезапно пискнул монитор, висевший почти под потолком. Надпись на нём немного поменялась.

«СИНХРОНИЗАЦИЯ 45%. ТРЕБУЮТСЯ РЕСУРСЫ».

Глава 5

Пообедал Игорь в столовой, которая внешне напоминала дорогой ресторан. Еда, впрочем, особыми изысками не отличалась: борщ с креветками, салат из морепродуктов и компот, будто ничего и не произошло. Но это пока. Депутаты и чиновники вели себя так, словно ни в чём не бывало: перелистывали во время обеда свои папки с бумагами и озабоченно хмурились. Совершенно непонятно, от чего именно – от очередной законотворческой проблемы или от сложившейся ситуации в целом. А ситуация, надо сказать, подействовала как проявитель. Никогда ещё Игорь не видел так явно, что вся деятельность этих людей – сплошной театр. Ощущение, что он находится среди актёров, не покидало его до конца обеда.

К вечеру, когда тень от флагштока перевалила за край крыши, туман начал рассеиваться. Картинка стала проявляться: вначале проявилась каменистая площадка, точнее – срез горы, на которой стоял Дом Правительства. В диаметре около километра, далее узким перешейком он переходил в следующий уступ, значительно большего размера. Каньоны начали стремительно зеленеть, и вскоре вполне можно было различить редколесье с сизым мхом. Ну а в самом конце, когда туман ушёл окончательно, проявилось озеро. У самого подножия горы, шириной около полукилометра, оно изгиба-

лось в обе стороны.

Игорь, параллельно с определением координат, занимался проверкой и подключением солнечных батарей, поэтому время пролетело незаметно. После ужина всё исправно заработало. Сергей Павлович рассказал, что в гараже нашлось пару десятков электромобилей, поэтому, если бензин закончится, впоследствии можно будет использовать их. Хотя не совсем ясно, куда тут ездить, но плато казалось вполне ровным, покрытым относительно небольшими камнями. По крайней мере, Игорь сам видел с крыши, как на разведку поехало несколько джипов.

К этому времени начало ощущимо холодать. Здание остыло, и температура внутри, по ощущениям, не превышала десяти градусов. Сергей Павлович где-то достал две тёплые куртки с надписью «Технический персонал» на спине – для себя и для Игоря. Охранники тоже приоделись, а вот официанты в столовой и члены правительства поглядывали на них с завистью.

– Будет конфликт, – заявил Сергей Павлович Игорю за ужином. – Тёплая одежда в запасниках есть только у охраны и у части персонала, занимающегося техобслуживанием здания. И чем быстрее будет холодать, тем быстрее начнётся конфликт. Правительство уже возмущается: почему не включают отопление?

– Правительство? – поднял бровь Игорь.

– Ну, я так буду называть всех министров, их замов, со-

ветников и депутатов. Я пока вижу три или даже четыре стороны конфликта. Мы с тобой пока побудем немного на стороне правительства. Но если ситуация затянется надолго, в правительстве быстро начнётся раскол. А может, и революция. Но не будем торопить события.

– Кстати, – заметил Игорь, – а кому подчиняетесь конкретно вы? Премьер обращается к вам скорее в просительском тоне, чем в приказном.

– А никому, – задумчиво ответил Сергей Павлович:

Я вольный, я ищу покоя;

Я не хочу ни славы, ни богатства,

Ни почестей, ни власти...

– А если серьёзно?

– Я человек, который решает проблемы. И делаю это очень хорошо. За годы работы я создал себе определённую репутацию – все знают, что я сам по себе. Давить на меня нельзя. Скажу даже больше.

Сергей Павлович подвинулся к Игорю и шепнул ему на ухо:

– Меня даже боятся.

– Ну, как по мне, так чего вас бояться-то?

– Вот этим ты мне и нравишься, – Сергей Павлович потрепал Игоря по волосам, как какого-то юнца. – На самом деле я ведь отслеживал твои методы работы уже давно. И давно хотел с тобой познакомиться. Твои методы, умение решать задачи с самой неожиданной стороны, с той, с которой нико-

му и в голову не придёт, – это очень редкое качество. Могу поспорить, что с самого детства ты был бунтарём. Бунтарём против правил, по которым живёт общество, и неважно, толковые эти правила или нет. Потом, с опытом и возрастом, ты, конечно, немного огрубел, стал поддаваться, но этот паттерн поведения остался с тобой с детства на всю жизнь.

– Потом я просто открыл для себя теорию эволюции, – заметил Игорь, – и всё резко встало на свои места. Вся мозаика сложилась. Потому что всё, буквально всё укладывается в эту схему. Общество с его табу, нормами, негласными запретами и моральными паноптикумами – не какая-то абстрактная «культура», а отточенный за десятки тысяч лет механизм выживания. Флирт, любовь, ревность, альтруизм, наша тяга к справедливости или, наоборот, склонность к предательству, любовь к детям, сострадание – всё это проверенные стратегии передачи генов, кооперации и конкуренции. По сути, математические алгоритмы. Мораль – это вообще долгосрочная стратегия выживания в популяции, поэтому её так ценят. Национальные государства, границы, законы, религии, даже корпоративные иерархии – сложные социальные надстройки, да, но двигатель под ними один и тот же: адаптация, отбор, борьба за ресурсы, статус и репродуктивный успех. Мы просто облекли биологическое в символы, ритуалы и юридические формулировки, которые, к слову, тоже продукт эволюции.

Игорь усмехнулся и чуть откинулся на спинку кресла.

– И даже ИИ... Даже он не разрыв, не «восстание машин», как любят рисовать в дешёвых триллерах. Это закономерный продукт той же эволюции, только сменившей носитель. Сначала эволюционировали молекулы, потом клетки, многоклеточные, приматы, социум, письменность, наука, а теперь – когнитивные системы, способные обучаться, обобщать и усложняться быстрее биологического мозга. Мы не создаём искусственный интеллект «с нуля». Мы просто стали новым звеном в цепи, через которое эволюция продолжает себя, переходя из углеродной фазы в информационную.

Он посмотрел на Сергея Павловича спокойно, без вызова, но с той самой уверенностью, которую даёт понимание механизма.

– Так что моё «бунтарство» – это не отрицание правил. Это поиск более эффективных мутаций. Если старые алгоритмы перестали работать, эволюция не плачет и не ностальгирует. Она пробует другое, отбраковывает нерабочее, закрепляет то, что даёт преимущество. Я просто... не жду, пока среда сделает это за нас. Я ускоряю процесс. И, кажется, вы это заметили.

– А то, что с нами случилось, как это понимать? Как это вписывается в твою теорию эволюции?

– Начнём с того, что теория эволюции не моя, – заметил Игорь. – Но пока я не могу понять – это сбой или закономерное явление. Но то, что тут замешана прогрессивная система ИИ, не вызывает сомнений.

– А откуда патриотизм взялся? – внезапно переключился Сергей Павлович на другую тему. – Это уже идеология, а не эволюция.

– Защита места обитания. Если ты в ней выжил, значит, в ней выживут и твои дети. И, соответственно, будет возможна дальнейшая передача генов. Но природа, кстати, делает некий процент людей совсем не склонными к патриотизму от рождения. Скажем, если в закрытой горной долине живёт некое общество, то пять процентов популяции с самого детства будут испытывать непреодолимое желание пересечь горный хребет. Не из-за бунта, не из-за жадности, а просто потому, что их нейрохимия и базовые инстинкты настроены на поиск новой, более выгодной среды обитания. Для обывателя они – дезертиры, бродяги, предатели «родных корней». Для эволюции – это страховка вида. Если в долине начнётся засуха, истощатся ресурсы или появится неведомый патоген, именно эти пять процентов принесут наружу новые маршруты, новые контакты, новые гены. Они не дают популяции закостенеть, обеспечивают генетический и культурный обмен, переводят адаптацию на совершенно другой масштаб.

Игорь сделал паузу, затем продолжил:

– И это уже совсем другой уровень. Раньше выигрывал тот, кто лучше держался за свою территорию, строил стены и оттачивал оборону. Сейчас выигрывает тот, кто способен легко менять контекст, встраиваться в чужие экосистемы и перестраивать связи на лету. Глобализация – не политиче-

ский каприз, это просто новый уровень, новая среда, в которой границы стали проницаемыми, а ресурсы, информация и компетенции распределены по сети. И в этих условиях патриотизм, в его классическом территориально-оборонительном смысле, работает как балласт. Он тянет на дно, заставляет цепляться за уходящие модели, тратить колоссальную энергию на защиту искусственных рубежей вместо того, чтобы осваивать новые горизонты. Он консервирует мышление там, где нужна пластичность.

Патриоты проиграют в этой гонке не потому, что они глупее или слабее. А потому, что их внутренний алгоритм заточен под вчерашний ландшафт. Эволюция не спрашивает, любишь ли ты свою долину. Она спрашивает, насколько ты мобилен, гибок и готов к кооперации за пределами привычного круга. А сейчас адаптивность – это способность мыслить сетью, а не забором. Те, кто цепляется за флаги и границы, будут медленно, но неизбежно вытеснены теми, кто уже давно понял: родина – это не точка на карте, а вектор развития.

– Сейчас ты так и до статьи договоришься, – заметил Сергей Павлович.

Игорь чуть не подавился компотом.

– Но, как ты говоришь, уровень правительства, тот круг, в который ты попал, – это совсем другой уровень. И в нём тоже нет места патриотизму. Это самый обыкновенный уровень выживания и передачи генов, где население страны и

её идеология – лишь ресурсы для небольшой группы индивидуумов. И это не хорошо и не плохо. Как я понимаю – это естественный процесс.

По часам давно уже должна была начаться ночь. Но она не наступала. Более того, тень от флагштока, похоже, начала укорачиваться. И это могло означать только одно – полярный день. Или же здание Правительства попало совсем в иной мир. Со своей, непохожей на земную, небесной механикой.

Глава 6

Когда тень от флагштока замерла на минимальной длине, а затем, к немому изумлению наблюдателей на крыше, не начала удлиняться, а, наоборот, медленно поползла обратно к основанию, Игорь не отрывал взгляда от рулетки и секундомера. Цифры ложились в расчёт с пугающей, почти механической точностью.

– Шестьдесят восемь градусов северной широты, – произнёс он уже на экстренно собранном совещании, не отрываясь от блокнота. – Долгота... около девяноста двух восточной. По рельефу, по базальтовым уступам, по характеру растительности... мы на плато Путорана. – Он обвёл маркером точку на карте. – Мы в южном секторе плато. Вероятно, в районе озера Аян. Но в этом я не уверен на сто процентов.

В кабинете повисла тяжёлая, вязкая пауза. Кто-то тихо выдохнул. Кто-то побледнел, сцепив пальцы в замок. Плато Путорана. Земля тысячи озёр и водопадов. Базальтовые каньоны, выветренные скалы, вечная мерзлота под тонким слоем почвы.

Премьер хлопнул ладонью по столу, разгоняя тишину.

– Итак, господа. География ясна. Теперь – программа выживания. Предлагайте. Критикуйте. Но без пустой риторики. Мы на отрезанном от цивилизации базальтовом острове. Нас почти тысяча. Ресурсов на три недели. Зима близко, да-

же если календарь говорит об обратном.

– Разведгруппа, – первым заговорил министр обороны, разворачивая распечатанную ещё до отключения сетей карту Генштаба. – Нужно идти к Норильску. Или к полярным станциям на озере Лама.

– Но у нас нет разведгруппы, – встрял Сергей Павлович. – К тому же без тёплой экипировки люди погибнут от гипотермии за несколько суток. Даже если днём плюс десять, ночью будет минус, а ветер с озёр выдувает тепло мгновенно.

– Одежду решим, – перехватил комендант, не давая повиснуть панике. – В подвалах есть склад вещевого довольствия для технических служб и охраны. Войлочные бушлаты, утеплённые комбинезоны, термобельё, валенки. Хватит на пятьсот человек.

– Пятьсот – это много для таких походов, – продолжил министр обороны. – Хотя бы десять-двадцать. И желательно найти людей, знакомых с э... отдыхом на природе. Кстати, в гараже и на подземной парковке больше двухсот автомобилей. Нужно выяснить, оставил ли кто-нибудь в багажниках удочки, палатки, надувные матрасы. Ну, вы понимаете.

Ближайший опорный пункт цивилизации – Норильск. До него по прямой – километров триста. По реальности – триста с лишним, если идти по гребням, оврагам, пересохшим летом ручьям и торфяникам. Летом здесь не бывает жарко.

– Прошу прощения, – опять встрял Сергей Павлович. – Есть распространённая поговорка: гладко было на бумаге, да

забыли про овраги, а по ним ходить. Простите, но я глубоко сомневаюсь в цифре «триста с лишним».

– И сколько, по-вашему?

– Тысячу триста. Если идти по руслам рек, обходить болота, искать броды, упираться в базальтовую стену с бушующим потоком и возвращаться обратно, чтобы найти приемлемый путь. Да... Примерно тысячу триста. Сколько группа сможет пройти в день? Ну, допустим, где-то по звериным тропам они смогут идти с нормальной скоростью, но где-то переправы, камни, оползни. Не знаю... Хорошо, если десять, ну, может, пятнадцать километров в день они пройдут.

Все в зале умолкли, видимо, прикидывая, сколько это займёт времени.

Наконец министр обороны выдал:

– Мне кажется, Сергей Павлович, вы несколько драматизируете события. Тысяча триста – это неприемлемая цифра в сложившихся условиях. В сентябре, я так понимаю, тут уже наступают сильные морозы.

– Какая есть, – пожал плечами Сергей Павлович.

– Хорошо, – продолжил министр. – Куда более привлекательно выглядит цифра триста. Что, если идти по прямой? Вершины гор – по ним хоть на автомобиле кататься можно. Если точнее, первая разведгруппа уже проехала.

– И что, далеко уехала? У нас есть вообще хоть какие-то подробные карты? Сколько спусков и подъёмов предстоит преодолеть? В каких местах это можно сделать проще?

Игорь кивнул, увеличивая карту на планшете.

– Мне удалось найти во внутренней сети какие-никакие карты. Если идти по прямой, то предстоит преодолеть около двадцати-тридцати ущелий и каньонов. Глубина очень разная, склоны в основном ступенчатые. Честно сказать, не представляю, как по ним спускаться. Не говоря уже о том, как по ним подниматься. Не уверен, что у нас в избытке альпинистское снаряжение.

– Идеальным был бы комбинированный маршрут: основная часть пути по руслу рек, а где возможно – переход через перевалы или вершины гор. Но для этого нужна очень подробная карта и специалисты по такой местности. – Сергей Павлович покачал головой. – Нет. Даже в таком варианте до Норильска они не доберутся.

– Вы хотите сказать, – повысил голос министр обороны, – что двадцать здоровых мужиков с оружием не преодолеют триста, ну пусть шестьсот километров по пересечённой местности?

– Да, именно это я и хочу сказать.

– Послушайте, – прервал их диалог премьер. – Я смотрел какую-то передачу, там предлагали отдых на турбазе на плато Путорана. Я ещё запомнил, что, пока ведущий рассказывал, как у них здорово, у него всё это время два комара сидели: на щеке и на шее. Может, кто-то знает, что это за турбаза и как далеко она от нас?

– Озеро Собачье, – произнёс Игорь, изучая карту. – От нас

где-то сто двадцать километров по прямой. По дну каньонов и руслам рек – двести-триста.

Премьер не стал тратить время на прения. Он обвёл взглядом стол, задержался на каждом лице ровно на секунду, будто ставя невидимые галочки, и кивнул Игорю.

– Хорошо. Географию вы установили. Теперь давайте понимать, где именно мы оказались. Не просто «плато Путорана», а что это за место с точки зрения физики, геологии, выживания. Почему компас ведёт себя странно? Почему связь не работает? Игорь, вы же изучали материалы. Докладывайте.

Игорь кивнул, поправил очки, раскрыл блокнот.

– Начну с геологии. Плато Путорана – это не просто горы. Это траппы. Огромные излияния базальтовой лавы, которые произошли примерно в пермском периоде.

– Пермский период... – задумался премьер, смакуя слова на языке. – Это до половцев и печенегов или уже после?

– Задолго до. Так вот, когда лава изливается не из вулкана конусом, а через трещины в земной коре... Представьте: трещина длиной в сотни километров, из которой непрерывно течёт лава. Год за годом. Тысячи лет. Она застывает слоями. Один слой – несколько метров. Потом следующий. И так далее. В итоге получается многослойный пирог из базальта толщиной в несколько километров.

– Поэтому вершины плоские? – уточнил Сергей Павлович.

– Именно. Это не эрозия гор в привычном понимании. Это остатки древнего лавового плато, которое потом приподнялось, и его начали размывать вода и ветер. Мягкие породы смыло, твёрдый базальт остался. Плоские вершины – это и есть те самые древние лавовые потоки. Они как ступени. Сверху – твёрдая базальтовая плита, под ней – следующий слой. Когда верхний слой разрушается по трещинам, образуются каньоны с отвесными стенами.

Игорь достал планшет, показал схему.

– Смотрите. Базальт при остывании трескается характерным образом. Образуются шестигранные столбы. Это называется столбчатая отдельность. Мы видели такие уступы на рельефе. Они определяют всю структуру плато.

– Хорошо, – кивнул премьер. – Геологию понял. Теперь к практическим вопросам. Почему компас врёт?

Игорь помедлил секунду.

– Базальт – магматическая порода. Когда лава остывает, минералы в ней, в частности магнетит, намагничиваются вдоль направления магнитного поля Земли в тот момент, когда порода застывает. Это называется остаточная намагниченность.

– То есть базальт сам по себе магнитный? – уточнил министр обороны.

– Не совсем сам по себе. Он «запомнил» магнитное поле Земли двести пятьдесят миллионов лет назад. И теперь создаёт собственное локальное магнитное поле, которое на-

кладывается на современное поле Земли. В результате компас показывает не на север, а на какую-то точку между севером и локальной магнитной аномалией. Отклонение может достигать десяти, двадцати, а местами и сорока градусов.

– Сорока? – присвистнул кто-то из слушателей.

– Да. И это ещё не всё. В базальте могут быть неоднородности. Где-то больше магнетита, где-то меньше. Где-то трещины заполнены другими минералами. Поэтому компас может вести себя непредсказуемо: в одном месте показывать одно, в другом – другое. Даже в пределах ста метров.

Сергей Павлович покачал головой.

– Значит, ориентироваться по компасу нельзя?

– Можно, но с огромной осторожностью. Нужно постоянно сверяться с солнцем, со звёздами, с рельефом. И понимать, что показания компаса – это приблизительно. Не точно.

– А GPS? – спросил премьер. – Спутники-то почему не работают?

Игорь вздохнул.

– Здесь несколько факторов. Первый – ионосфера. Мы на широте шестьдесят восемь градусов. Это зона полярных сияний. В ионосфере постоянно происходят возмущения из-за солнечного ветра. Радиосигналы от спутников искажаются, проходят с задержкой или вообще не доходят. Это называется ионосферные помехи.

– То есть дело не в базальте?

– Не только в нём. Базальт создаёт локальные магнитные аномалии, которые тоже влияют на распространение радиоволн. Но основная проблема – высокая широта и геомагнитная активность. Плюс, возможно, экранирование.

– Значит, связи не будет? – тихо спросил кто-то.

– Коротковолновая связь, возможно, будет, если поймать нужную частоту и время суток. Спутниковая – маловероятна. GPS будет работать с перебоями и большой погрешностью. Может показывать не там, где мы есть, а в десятках километров в стороне.

Премьер постучал карандашом по столу.

– Хорошо. Допустим. Что ещё? Рельеф?

Игорь кивнул.

– Рельеф определяет всё. Каньоны глубиной в сотни метров. Отвесные стены. Узкие ущелья. Перевалы, которые зимой заметает, а летом размывает. Реки, которые летом – бурные потоки, а зимой – лёд, под которым вода. Торфяники, которые выглядят как твёрдая земля, но под тонким слоем мха – вода и зыбун.

– Зыбуны? – переспросил министр обороны.

– Да. Вечная мерзлота летом подтаивает сверху. Образуется слой воды над мёрзлым грунтом. Если наступить неправильно – уйдёшь по пояс. А выбраться сложно. Холодная вода, тяжёлый рюкзак, одежда намокает. Гипотермия наступает за минуты.

Сергей Павлович кивнул.

– Поэтому я и говорил про тысячу триста километров. Это не преувеличение. Это реальность. Идти по прямой нельзя – каньоны. Идти по рекам – броды, перекаты, зыбуны. Идти по вершинам – спуски и подъёмы, альпинистское снаряжение, которого у нас нет.

– А если зимой? – спросил премьер. – Лёд же твёрдый.

– Зимой – другие проблемы, – ответил Игорь. – Температура минус сорок, минус пятьдесят. Ветер тридцать метров в секунду. Пурга, которая длится неделями. Солнце не всходит два месяца. Ориентироваться – только по компасу, который врёт. По звёздам – если небо ясное, а оно редко бывает ясным.

– И сколько можно пройти в день зимой?

Игорь пожал плечами.

– Если повезёт – пять, семь километров. Если не повезёт – ноль. Если пурга – сидишь в укрытии и ждёшь. А если нет укрытия – замёрзнешь.

В кабинете повисла тишина. Каждый представлял себе эту картину: бесконечные базальтовые стены, холод, ветер, компас, который показывает неизвестно куда, и тысяча триста километров до цивилизации.

Наконец премьер нарушил молчание.

– Ладно. Геологию поняли. Физику поняли. Теперь – что вообще вокруг нас? Куда можно попробовать идти, а куда не стоит. Игорь, у вас есть идеи?

Игорь отложил планшет, глубоко вздохнул.

– Хорошо. Теперь конкретика. У нас есть координаты. Что вокруг? По сторонам света. Подробно. С названиями. Чтобы мы понимали, куда можно идти, куда нельзя, и что нас ждёт.

Игорь развернул распечатанные карты на столе, взял маркер.

– Итак. Мы находимся здесь. – Он поставил жирную точку. – Шестьдесят восемь градусов северной широты, девяносто три восточной долготы. Это центральная часть плато, возможно, южная. Теперь по сторонам света.

Он обвёл маркером северное направление.

– На север, – начал Игорь, – до побережья Карского моря около трёхсот пятидесяти километров по прямой. Но это только по карте. По реальности – даже затрудняюсь сказать. Что нас ждёт:

Он провёл линию на карте.

– Первые пятьдесят километров – это система каньонов реки Тарей. Река мелкая летом, но быстрая. Пороги, перекааты. Берега – базальтовые стены высотой до двухсот метров. Спуск к реке – только в трёх местах. Здесь, здесь и здесь. – Он поставил крестики. – Остальное – отвесы.

– Дальше? – спросил премьер.

– Дальше – озеро Мелкое. По площади – километров сорок в длину. Летом – комары, мошкара, топкие берега. Зимой – лёд тонкий, местами промоины. Обходить – ещё тридцать километров крюка.

Игорь передвинул маркер дальше на север.

– За озером Мелким – река Пяси́на. Это уже серьёзная водная преграда. Ширина летом – до двухсот метров. Течение быстрое. Бродов нет. Переправа – только вброд с риском для жизни или строить плот. Но плот унесёт течением к порогам. Да и строить его, честно сказать, я не представляю из чего.

– А потом?

– Потом – ещё сто пятьдесят километров тундры до моря. Но не просто тундры. Там термокарстовые озёра. Их сотни. Маленькие, круглые, глубиной до десяти метров. Берега – зыбкие. Наступить – уйдёшь по горло в холодную воду и ил. Летом – непроходимо. Зимой – лёд, но под ним вода.

Сергей Павлович покачал головой.

– То есть на север идти бессмысленно?

– Не бессмысленно. Но бесполезно. Моря мы достигнем, но что дальше? Карское море – лёд даже летом. Берега – необитаемые. Поселений нет. Помощи не будет. Только если нас не найдут с воздуха. Но связи нет, маяков нет.

Игорь перечеркнул маркером северное направление, перешёл к югу.

– На юг, – продолжил он, – до города Норильск по прямой около трёхсот километров. Это промышленная зона. ТЭЦ, заводы, железная дорога, аэропорт. Там люди. Там помощь.

– Но? – спросил премьер.

– Но между нами и Норильском – озеро Хантайское. –

Игорь обвёл маркером огромное синее пятно на карте. – Одно из крупнейших в регионе. Длина – сто двадцать километров. Ширина – до тридцати. Глубина – до четырёхсот метров. Холодная вода даже летом.

– Можно обойти?

– Можно. С запада или с востока. Но с запада – ещё сорок километров крюка. С востока – тридцать. Но восточный берег – горы. Отроги плато. Подъёмы до восьмисот метров. Спуск к озеру – крутой. Зимой – лавины. Летом – камнепады.

Игорь поставил точку на южном направлении.

– Если идти на юг, то первый ориентир – гора Камень. – Он показал на обозначение высоты. – Восемьсот сорок два метра. Плоская вершина, базальтовые уступы. От неё до озера Хантайского – сорок километров. Но эти сорок километров – через три крупных каньона.

Каньон реки Хангадя. Каньон реки Гусиха. И каньон безымянного ручья. Все три – глубиной от ста до двухсот пятидесяти метров. Стены – отвесные. Спуск – только по руслам рек. А русла летом – это потоки. Зимой – лёд, но под ним вода.

Сергей Павлович наклонился над картой.

– А что с рыбой? В этих реках?

Игорь кивнул.

– Есть. Хариус, сиг, голец. Но нужны снасти. И навыки. Просто руками не поймаете.

– Хорошо. Продолжайте.

Игорь переместил маркер на восток.

– На восток, – сказал он, – до реки Котуй около ста восьмидесяти километров. Котуй – это крупная река. Впадает в Хатангский залив. По Котую летом ходят баржи, катера. Есть посёлок Котуй в устье. Но до него от нас – все четыреста километров по реке.

– А по пути?

– По пути – озеро Кета. – Игорь показал на карте. – Второе по величине после Хантайского. Длина – восемьдесят километров. Ширина – до двадцати. В озере – рыба. Много рыбы. Сиг, хариус, щука, налим.

– Можно дойти?

– Можно. Но между нами и озером Кета – горный хребет. Без названия на картах. Высоты – до тысячи двухсот метров. Перевалы – только летом. Зимой – заносит снегом по пояс. Ветер – до сорока метров в секунду.

Игорь обвёл маркером район.

– Если идти на восток, то первый день – подъём на высоту шестьсот метров. Второй день – переход через плато. Третий день – спуск к озеру Кета. Но это в идеале. В реальности – каньоны, реки, болота. Реальный путь займёт пять, шесть дней.

– А что на самом озере Кета?

– На северном берегу – метеостанция. Заброшена с девятидесятых годов. Но здания стоят. Может, есть припасы, оборудо-

дование. На южном берегу – стойбище оленеводов. Летом. Зимой они уходят на юг.

– Такую страну просрали! Метеостанции – все просрали, спорт, науку, образование...

Все резко обернулись на депутата КПРФ, всё это время стоявшего за спинами присутствующих.

– Сергей Петрович, а вы тут откуда взялись? Я же вас отстранил, – изумлённо воскликнул премьер. – Ладно, оставайтесь, только не вмешивайтесь.

Премьер постучал карандашом по столу.

– То есть на востоке есть шанс найти помощь?

– Шанс есть. Но маленький. Метеостанция заброшена тридцать лет. Оленеводы – летом. Но попробуй их ещё найти.

Игорь перешёл к западному направлению.

– На запад, – сказал он, – до реки Нижняя Тунгуска около ста двадцати километров. Это малонаселённая территория. Тайга, тундра, болота. Поселений нет. До ближайшего – посёлка Тухард – все двести пятьдесят километров.

– Зачем туда идти?

– Не зачем. Но если идти на запад, то на пути – озеро Лама. – Игорь показал на карте третье по величине озеро региона. – Длина – сорок километров. Ширина – до восьми.

– Что на озере?

– На западном берегу – посёлок Лама. Зброшен в двухтысячных. Но там есть турбаза. Точнее, была. Может, оста-

лась инфраструктура: домики, печки, лодки.

– Лодки? – оживился кто-то из присутствующих.

– Да. Деревянные, вёсельные. Может, дюралюминиевые. Если сохранились – это транспорт. По озеру Лама можно дойти до реки Хета, а по Хете – до Карского моря. Или до посёлка.

– Но это если лодки есть, – заметил Сергей Павлович. – В чём я глубоко сомневаюсь.

– Именно. Поэтому на запад идти не стоит. Даже для разведки.

Игорь отложил маркер, глубоко вздохнул.

– Теперь, – сказал он, – самое важное. Озеро Собачье. Сто двадцать километров.

– Сто двадцать по прямой. А по факту?

– По факту, с учётом каньонов, рек и необходимости обходить отвесные базальтовые стены, – Игорь провёл маркером извилистую линию, – реальный путь составит от ста сорока до ста шестидесяти километров. Наверное.

– Сколько дней? – спросил министр обороны, уже считая в уме.

Игорь не стал юлить.

– В идеальных условиях – по двенадцать-пятнадцать километров в день. Но у нас не идеальные условия. Торфяники, броды, подъёмы на плато, погода, груз на спине. Реально – семь-восемь, максимум десять километров в день. Итого... от восемнадцати до двадцати двух дней в одну сторону. С

ночёвками, привалами, возможными задержками.

– Почти месяц туда и обратно? – Сергей Павлович покачал головой, голос стал тяжёлым. – У нас припасов на три недели на всех. Если мы отправим группу на месяц, они съедят половину склада.

– Поэтому нельзя идти в лоб и нельзя идти с пустыми руками, – перебил Игорь. – Это не разведка на день. Это экспедиция. Нужно либо менять стратегию, либо готовить промежуточные базы.

Премьер постучал карандашом по столу, ритмично, будто отбивая такт для нового плана.

– Говорите конкретно. Как пройти эти сто двадцать километров, не положив людей и не оставив лагерь без еды?

Игорь развернул ещё одну распечатку.

– Прямой маршрут отпадает. Каньон реки Собачьей перегораживает путь почти на всём протяжении. Глубина до трёхсот метров, стены отвесные. Спуск и подъём займут дни, а риск сорваться или вообще упереться в тупик – критический. Остаётся два обходных пути. Оба длинные, но проходимые.

Маршрут первый: северо-западный, через плато и систему озёр.

– Идём на северо-запад. Первые тридцать километров – по сравнительно ровному базальтовому плато. Набор высоты – около четырёхсот метров. Тут можно идти быстро, если погода позволит. Ориентир – гора Собачий Камень. С неё

видна вся долина.

От горы спускаемся в систему каньонов реки Хакангда. Тут начинается самое сложное. Нужно пройти вдоль русла сорок километров, пока не найдём удобный спуск и брод. Закладываем сюда четыре-пять дней.

После выхода из каньона – ещё семьдесят километров по тундре до озера Собачьего. Путь ровный, но открытый ветру.

Итого: около ста сорока километров. Срок: двенадцать-пятнадцать дней. Риск: высокий из-за открытой местности и погоды. Но есть вода и возможность поставить промежуточный лагерь у подножия Собачьего Камня.

Маршрут второй: юго-восточный, через старую геологическую дорогу и озеро Долгое.

– Идём на юго-восток, к озеру Долгому. Первые двадцать километров – по старой дороге, проложенной геологами в семидесятых. Полотно размыто, но направление читается.

От озера Долгого поворачиваем на северо-восток. Ещё сорок километров по долине реки Медвежьей. Тут много бродов, торфяников.

Дальше – выход к реке Собачьей. Мост. Деревянный, на сваях. Без понятия, уцелел ли он. Если он цел – это подарок. Переправляемся, и остаётся шестьдесят километров по пологой долине до турбазы.

Около ста шестидесяти километров. Срок: пятнадцать-восемнадцать дней. Но рельеф спокойнее, больше укрытий, проще организовать доставку грузов частями.

Сергей Павлович склонился над картой, водя пальцем по линиям, будто проверяя их на прочность.

– Сто шестьдесят... Даже если пойдём вторым маршрутом. Это же почти три недели только в одну сторону, если форсировать. А нам нужно ещё вернуться. Или организовать вывоз припасов.

– Поэтому нельзя отправлять группу «со всем с собой», – сказал Игорь. – Нужно разбить путь на этапы. Первый этап – двадцать километров до озера Долгого. Там организовать склад-перевалку. Оставить часть провизии, тёплые вещи, палатки с печками. Вернуться за следующим грузом. Или отправить вторую группу.

– Шаттловая система, – кивнул премьер. – Как в горах. Грузим, несём, разгружаем, возвращаемся. Умножает время, но снижает риск.

Премьер обвёл взглядом стол, фиксируя каждого.

– Михаил Викторович, – обратился он к пресс-секретарю, – что вы можете добавить ко всему вышесказанному?

– Это не вопросы Кремля, – невозмутимо ответил Михаил Викторович.

– Отлично. Группа формирования и подготовки – завтра с шести утра. Инвентаризация техники, припасов, одежды. Первый участок дороги – в течение трёх дней. Доклад – по готовности. Озеро Собачье – наш приоритет.

Глава 7

– Мы ведь в жопе, – упавшим голосом произнёс Игорь, когда они вышли из кабинета премьера и свернули в пустынный коридор. – И вы, Сергей Павлович, об этом знаете. Почему вы об этом промолчали?

– А мне что, нужно было, как в том французском фильме, встать и произнести: «Господа, мы в жопе!»? Во-первых, этим напыщенным придуркам ничего не докажешь. Во-вторых, незачем заранее разводить панику. Неизвестно, сколько нам ждать помощи. Они ведь могут выставить охрану и перекрыть основной массе доступ к пропитанию. А то и расстрелять – генералу это ничего не стоит, он рассматривает людей как расходный материал. Ну и есть ещё один фактор, но пока я тебе о нём говорить не буду.

– Я ведь тоже кое о чём промолчал. Дело в том, что мы сейчас не в каньоне. Мы на вершине горы. Отклонение компаса около пятнадцати градусов, а значит, магнитное поле базальтов не такое уж и сильное, чтобы...

– Чтобы что?

– Короче. Спутники не должны молчать. Ничто, абсолютно ничто не мешает им с нами связаться.

Сергей Павлович остановился так резко, что Игорь чуть не упал, налетев на него.

– Игорь. Если ты знаешь, о чём говоришь, а я верю в твою

компетентность в этом вопросе...

– Уничтожить все спутники разом? Ну, если у нас вдруг началась мировая война. Технически это, наверное, невозможно. Кинетический перехватчик, лазерная платформа, даже ядерный заряд на орбите... Насколько я знаю, на орбите более десяти тысяч спутников связи.

Сергей Павлович кивнул и присел на один из кожаных диванов, в изобилии расставленных в коридорах этого этажа.

– Тогда что? Глушение?

– Глушение работает локально. Наземные станции, мобильные комплексы, спутники-ретрансляторы на солнечно-синхронной орбите. Можно забить эфир шумом в радиусе пары тысяч километров. Но чтобы заглушить всю планету одновременно, нужна сеть, которую давно бы засекли. И даже тогда аварийные частоты должны пробиваться. Многие каналы защищены, перестраиваются, используют разные диапазоны.

– Кибератака? – Сергей Павлович скрестил руки на груди.
– Взломали наземные станции, перевели спутники в спящий режим?

– Возможно. Но даже в сейф-моде маячки должны работать. А мы не ловим даже шум. Пустота. Полная.

– Есть ещё вариант. Не война. Не хакеры. Природа. Геомагнитная буря. Выброс корональной массы класса X. Когда солнечный ветер бьёт в магнитосферу, ионосфера вспучивается, радиоволны преломляются, сигнал уходит в космос

или рассеивается в помехах. Спутники выживают, но связь на Земле – нет. Особенно на наших широтах. Полярные шапки, аномальные токи, полная слепота.

– И долго это длится?

– От нескольких часов до трёх-пяти дней. Но если буря наложилась на что-то ещё... или если это не буря, а что-то направленное. Высотный электромагнитный импульс. Один ядерный заряд на высоте триста-четырееста километров – и электроника на половине континента выгорает. Спутники на низкой орбите – первые кандидаты. Их солнечные панели, приёмники, процессоры – всё рассчитано на определённый радиационный фон. Превысил – и чипы деградируют. Не мгновенно, но связь теряется.

Сергей Павлович медленно кивнул. В его глазах мелькнуло то, что Игорь уже видел у других: момент, когда надежда на «кнопку спасения» окончательно гаснет.

– Значит, либо нас ослепили специально, – тихо произнёс он, – либо небо решило, что мы заслужили тишину. В любом случае рассчитывать на эвакуацию не стоит. Ни через месяц, ни через год.

– Не стоит, – подтвердил Игорь. – Спутники могут быть целы. Но если сигнал не доходит, значит, либо приёмники мертвы, либо эфир закрыт. А раз мы на вершине, значит, проблема не в рельефе. Проблема – там. Наверху. Или в том, кто держит палец на выключателе. Конечно, можно было бы визуально определить, мёртвое ли небо, но у нас тут поляр-

ный день – звёзд не видно. Самолёты над Пудораной не летают, а если и летают, то очень редко. Опять-таки, если это был выброс электромагнитной энергии, который сжёг электронику на спутниках, он бы сжёг её и у нас. Большинство спутников имеют защиту, и если она не выдержала, то наша локальная сеть в здании легла бы сразу.

– Ну, тогда я вообще не могу предложить ни одной теории, которая могла бы объяснить происходящее, – развёл руками Сергей Павлович.

– Есть одно предположение, – замялся Игорь. – Когда я копался в логах системы, там я видел задачу: спасти здание любой ценой. Возможно, в здание летела ядерная боеголовка, и система нас переместила на плато Пудорана. И если началась Третья мировая... Как бы мы это обнаружили два дня спустя на плато?

– Как мы это обнаружим? Без связи, без интернета, без телевизоров. Мы можем годами сидеть в этой каменной коробке и думать, что весь мир просто решил нас игнорировать.

– Не годами, – Игорь покачал головой. – Атмосфера сама расскажет. И довольно быстро.

Он подошёл к окну, чтобы охватить взглядом горизонт. Полярный день стоял немигающий, серо-стальной, без единого облака.

– Первые признаки проявятся через три-пять дней. Не радиация, не холод, а небо. Сейчас солнце висит белым диском. Если в Евразии или Северной Америке вспыхнули мегапо-

лисы, пожары выбросят в стратосферу миллионы тонн сажи и аэрозолей. Они не осядут сразу. Ветра на высоте десяти километров разнесут их по полушарию за неделю. Но уже на четвёртый-пятый день солнце начнёт тускнеть. Не затеняться облаками, а именно тускнеть. Станет тускло-оранжевым даже в зените. Небо приобретёт мутный, сумеречный оттенок. Закаты и рассветы у нас сейчас условные, но цвет неба по кругу будет меняться. Появится дымка, которую нельзя сдуть ветром.

– Ветер может дуть в другую сторону, – возразил Сергей Павлович, хотя в его голосе уже не было прежней уверенности.

– Стратосферные течения глобальны. Они не знают границ. А Путорана? Если горел Урал, Поволжье или Европа – шлейф ударит сюда на седьмой-девятый день. Но даже без шлейфа... тишина скажет всё.

– Тишина?

– Электромагнитная. Прямо сейчас эфир пуст. Я проверял все диапазоны, которые ловит аппаратура здания. Ни одного бортового передатчика. Ни маяков, ни транзитных судов, ни военных сетей, ни гражданского радио. После любого локального ЧП, даже после отключения сетей, всегда остаётся аварийный эфир. Mayday. SOS. Переговоры МЧС. Координация. Два дня абсолютного нуля – это не сбой. Это выжженное поле. Кто-то должен был передать хоть слово. Никто не передал. Значит, передавать некому. Но, с другой сто-

роны, даже при худшем варианте ядерной войны должны выжить военные в подземных бункерах, в убежищах в глубине какой-нибудь горы. Подводные лодки, в конце концов, должны были что-нибудь передавать. А у нас на всех частотах абсолютная тишина.

Сергей Павлович помолчал.

– Радиация?

– Если бы был близкий взрыв, мы бы уже чувствовали металл во рту, а дозиметры зашкаливали бы. Но фоновое излучение от далёких пожаров дойдёт позже. Через две-три недели, если пойдут осадки. Дождь или снег вымоют изотопы из атмосферы. Тогда вода в ручьях станет опасной, а снег – серым. Но у нас нет лабораторий.

Игорь ткнул пальцем в сторону долины, где темнела лента речного русла.

– Ядерная зима не наступает за сутки. Но первый удар по климату – это блокировка солнечного света сажей. Через десять-четырнадцать дней температура упадёт на десять-пятнадцать градусов. Не постепенно. Скачком. Перестанет таять снег на склонах. Реки покроются льдом в июле. Вечная мерзлота перестанет оттаивать сверху. Это будет заметно по конденсату на стенах, по инею на окнах с солнечной стороны, по тому, как быстро остывает воздух после заката. А заката у нас нет. Значит, холод станет постоянным. Но опять-таки – это всего лишь теории. На практике этого никто не проверял. Есть теории, что атмосфера, наоборот, начнёт на-

каляться. Пыль начнёт впитывать энергию солнца. Но то, что пыль будет висеть в атмосфере годами – с этим согласны почти все теоретики.

– И что мы делаем? Ждём, пока небо почернеет, а вода станет ядовитой?

– Мы перестаём ждать спасения, – Игорь повернулся к нему лицом. – Прямо сейчас. Проверяем систему вентиляции здания: фильтры, датчики частиц. Собираем пробы воды из ближайшего ручья, смотрим на осадок, на вкус, на запах. Фиксируем температуру. И готовимся к тому, что эвакуация – это сказка. Если началась Третья мировая, нам некогда ждать.

Сергей Павлович медленно кивнул.

– Тогда меняем приоритеты. Не «как связаться». А «как продержаться». Без расчёта на внешний мир.

– Верно, – Игорь сунул руки в карманы. – Но давайте подытожим. Отсутствие связи со спутниками, тишина в эфире – это те факторы, которые не вписываются в сценарий ядерной войны. И если через неделю мы не будем наблюдать тускнеющего солнца или повышения уровня радиации, значит, у нас что-то другое.

– Но что?

Игорь пожал плечами.

– Почему у вас в приоритете перенос здания только в пространстве? Почему не во времени? Знаете, я сторонник теории мультивселенных. Мне всегда казалось, что переме-

ститься на соседнюю страницу энергетически намного дешевле, чем в пространстве. Просто на этой странице Земля крутится на миллиардную долю секунды медленнее. Или быстрее. Вот и набежала разница в пару тысяч километров за миллионы лет. А может, это не обычная страница, а промокашка, на которой оседают все ошибки и аномалии, а в данной ситуации Дом Правительства как раз и является такой аномалией.

– Что-то ты, Игорь, всё усложняешь. В любом случае мы с тобой, я считаю, должны поучаствовать в первой вылазке вниз, к озеру. Чтобы своими глазами увидеть, что ждёт экспедицию. Потому что, возможно, нам придётся уходить отсюда на своих двоих.

– Кстати, а почему бы для разведки не использовать дронов? До меня это только сейчас дошло, но остальные могли бы догадаться.

– А как ты думаешь, почему министр обороны такой нервный на совещании был? Я просто постоянно нахожусь на ведомственной частоте, – Сергей Павлович указал на едва заметный наушник. – Дроны есть, тридцать штук. Только они не летают.

– Как это – не летают?

– Так и не летают.

Кремля узорчатые стены,

Большие знаю перемены.

Как дни, меняются порядки,

Незыблемы лишь только взятки.

– Сергей Павлович вздохнул. –

Не навели ещё порядка –

Неистребима эта взятка!

Дроны пустышками оказались. Министр говорит – это его заместитель виноват. Но где ж сейчас выкопаешь этого зама? Но, судя по тому, что эта новость абсолютно никого не удивила... Как тебе сказать – у нас тут, в правительстве, своя атмосфера.

– Не совсем понимаю, – честно признался Игорь.

– Ну, украли – и украли. Никто за это не сажает. Просто совсем не к месту эта кража оказалась.

– Жаль, конечно. Дроны сейчас бы очень помогли. А был бы хоть один самолётного типа – он бы и без нас до Норильска долетел. Если бы его не сбили при подлёте, естественно.

– Не сбили бы, – горько усмехнулся Сергей Павлович. – ПВО вокруг «Норникеля», скорее всего, тоже пустышка. Ты просто до конца так и не понял систему: там, где можно относительно безболезненно своровать, там и воруют. Это так же естественно, как крепкий кофе по утрам. Да, Норильск – важный город, металлургический центр, и по регламенту там стоит ПВО, но вероятность того, что он будет атакован, крайне низка. Так почему бы не своровать?

– Так, может, и медные кабели в пусковых шахтах ядерных ракет давно уже скручены и в металлолом сданы? Всё равно ведь все считали, что вероятность ядерной войны

крайне низка. Ну, я, по крайней мере, думал: раз у элиты дети все по Европам и Америкам живут, то кто ж своих детей бомбить будет?

– Не-е-е, – протянул Сергей Павлович. – Ядерный щит – это прежде всего защита кормушки: населения и инфраструктуры страны, которые добывают и конвертируют ресурсы в деньги, поэтому тут всё более чем серьёзно. Но ты прав – медные кабели украли. И вначале даже посадили кое-кого за такую наглость, но потом выпустили. Ворон ворону глаз не выклюет. К тому же медные кабели были заменены на алюминиевые. Типа, был официальный тендер, экономическое обоснование, госзакупки, типа медные кабели деградировали и подлежат замене, а старые исчезли в неизвестном направлении. Но все прекрасно понимают, зачем это было сделано. Я же говорю тебе – тут своя атмосфера. Свои законы.

– Кстати, раз пошла тема про дроны. Можно что-нибудь придумать с видеокамерой и шариками. Это бы нам сэкономило кучу нервов и времени. Те карты, по которым я отчитывался на заседании, скачаны из кэша. Там данные накладываются друг на друга, и я очень в них не уверен. Можем, кстати, их и проверить сразу – по ним на юго-востоке есть более-менее удобный спуск с горы к озеру.

Сергей Павлович нажал что-то на наушнике.

– Это Сергей Павлович. Я с гражданским специалистом по экологии буду участвовать в вылазке к озеру. Когда выход? Принято – через три часа в фойе первого этажа.

– Пошли со мной, – Сергей Павлович встал с дивана и направился к лестничному маршу.

Вместе они поднялись на предпоследний этаж.

– Есть кто-нибудь живой? – громко крикнул Сергей Павлович, предварительно закрыв двери на лестницу, чтобы крик не просочился на другие этажи.

– Нету. Все на нижних и цокольных этажах. Это хорошо, а то я тут собрался немного повандаить. Сергей Павлович подошёл к стенду с нарисованным красным крестом, аккуратно сорвал пломбу и извлёк из него аптечку.

– Итак, что собираем? В первую очередь – аптечки. Ничего не ломаем. Никто не должен догадаться, что миропорядок, так сказать, сломан. Иначе начнётся хаос. Он так или иначе начнётся, но немного позже. Перед этим мы должны сделать запас вещей, цена на которые возрастет многократно. А это – аптечки, шторы и тюль.

– Шторы и тюль? – не понял Игорь.

– Да. Шторы и тюль. Особенно будут цениться тяжёлые бархатные шторы. Уже сейчас тёплой одежды на всех не хватает, представь, что будет, когда температура опустится до минус сорока. Кроме того, на этом этаже находятся проекторная и архивы. Это верхний этаж, поэтому светозащита на окнах тут будет максимальная. В архиве шторы, насколько я знаю, пропитаны поливинилхлоридом. А это, учитывая нашу ситуацию, вообще золотой ресурс. Если мы отправимся в экспедицию, то нам понадобятся водонепроницаемая одеж-

да и палатки. Если штора лёгкая и не подойдёт для одежды – всё равно берём. Я думаю, можно будет найти способ пропитать их или пластиком, или ещё чем-нибудь водонепроницаемым.

– А тюль зачем? Она ни на одежду, ни на палатки не подойдёт.

– А тюль, дорогой мой друг, мы попробуем использовать от кровососов. Если здесь, внизу, их нет, то там, около озера, мне кажется, их будет более чем достаточно. Эх, были бы байдарки, вопрос с экспедицией бы не стоял. На байдарках можно проходить до сорока километров в день. Понятно, что где-то пороги нужно будет обойти, где-то завалы. Но байдарки были бы реальным выходом из ситуации.

– Неужели нельзя сообразить что-нибудь типа самодельной байдарки?

– Нельзя. На горных реках должна быть нормальная, профессиональная байдарка. Из бронированного материала. Если сделать из говна и палок, она развалится после первого же столкновения с камнями или буреломом, которого на местных реках, я думаю, в избытке.

– И всё же надо подумать, что можно сделать в данном случае. Есть масса вариантов – от пластиковых бутылок до пластиковых коробов. Энергия пока есть и пока будет работать солнечная батарея. ПВХ-пластика в здании, я думаю, будет навалом. Спать из этого что-то байдаркоподобное, да ещё со впаянной железной сеточкой, думаю, вполне возмож-

но.

– А ты умеешь вселить надежду, – Сергей Павлович даже остановился. – Но об этом чуть позже. Сейчас собираем всё самое полезное. Складываем в нишу, где хранились солнечные панели. Я думаю, никто не догадается, что мы с тобой устроили там схрон.

Первый попавшийся кабинет Сергей Павлович открыл своей универсальной ключ-картой.

– Пока я обыскиваю кабинет. С обратной стороны замка есть дверца. Там доступ к системе управления. Сможешь поменять доступ не с универсальной карты, а через код?

– Думаю, что без проблем.

– Отлично. Меняй на четыре двойки. Это самый непривлекательный этаж. Когда сюда попытаются войти, подумают, что просто ключ-карта сбоит, и в кабинет сразу не попадут. Наша задача – до конца оттянуть погромы, которые рано или поздно начнутся. А они, погромы, как пламя революции. Только кто-нибудь увидит разграбленный кабинет, как обстановка буквально взорвётся.

Сергей Павлович картинно поднял палец и напускным тоном произнёс:

– Начнутся смертоубийства! Так что держись рядом со мной. Да, проверь пока пост охраны. Там должна быть расширенная аптечка.

– Чувствую себя персонажем компьютерной игры, – внезапно рассмеялся Игорь. – Аптечки собираем, мародёрству-

ем.

– Вот только в этой игре здоровье аптечка мгновенно не поднимет. Если поднимет вообще.

Глава 8

В фойе их ждали пятеро серьёзно экипированных бойцов. В бронежилетах, с налокотниками и наколенниками, в шлемах и с автоматами. Сергей Павлович с Игорем на их фоне смотрелись как персонажи дешёвой комедии, случайно попавшие на съёмки серьёзного боевика. Сергей Павлович выпросил у коменданта болотные сапоги. Ну, как болотные – скорее сантехнические, поскольку предназначались для случаев прорыва труб с последующим ремонтом. Плащи-дождевики и две ковбойские шляпы – целую коллекцию которых они обнаружили в кабинете какого-то чиновника на двадцать пятом этаже. Бойцы скептически на них посмотрели, но ничего не сказали, поздоровались за руку и перезнакомились.

Поехали на двух импортных джипах: УАЗов «Патриот» на парковке Дома Правительства почему-то не оказалось ни одного. Ехали по краю плоской вершины в поисках места, где можно было бы относительно комфортно спуститься. Вопреки ожиданиям, дорога была усеяна булыжниками и валунами. Сверху, с крыши здания, казалось, что вершина плоская и гладкая, как стол. В реальности попадались камни размером с голову коровы, из-за чего автомобилям приходилось постоянно вилять, а в салоне невозможно было сидеть просто так, не держась за ручки, встроенные в крышу.

Периодически останавливались, подходили к краю и оценивали ситуацию. А ситуация в целом не радовала. Практически везде склоны были непроходимы для человека без экипировки: базальтовые ступени по десять-двадцать метров с отвесными стенами. Прочесав северную сторону около пяти километров, нормального спуска так и не нашли. Сразу на восточной стороне начиналась другая плоская вершина, к ней вёл узкий перешеек, слишком опасный для проезда автомобиля, и туда решили не ехать.

Очень Игорю не понравилось, что по его карте тут должен быть пологий спуск. Или карта врал, или снимок этого места, сделанный со спутника зимой, создавал иллюзию такого уклона. Прочесав немного южную сторону, нашли склон, по которому можно было спуститься, но вёл он в сухой неглубокий каньон, который где-то через километр поворачивал на восток, скрываясь за небольшой горой.

В итоге проехали по южной стороне, пока не вернулись к Дому Правительства. Получалось, что с вершины было только два выхода: переход на следующую гору на востоке и спуск в каньон там же, рядом, на южном склоне. Вернулись к этому спуску и оставили автомобили.

Влад, руководитель разведгруппы, долго ругался – машина не хотела закрываться с ключа. Потом, видимо, вспомнил, где они находятся, плюнул и скомандовал спуск.

Сам спуск представлял собой нагромождение камней в человеческий рост, иногда из них выступали базальтовые

скальные породы. Где-то спустя пятьсот метров обнаружили «месторождение» снега. Сверху он был покрыт каменной пылью, которую, вероятно, принесли ветра, но внутри выглядел чистым.

– А вот и первая работёнка для жителей нашего э... посёлка, – заметил Сергей Павлович. – И это хорошо вдвойне. Во-первых, у нас будет запас свежей пресной воды. Во-вторых, если людям нечего делать, они начинают творить всякую херню. А так – нужно расчистить от валунов дорогу. Это километра четыре. Ну и во-вторых, наладить добычу этого снега. Вёдрами его не натаскаешь наверх – рано или поздно кто-нибудь подскользнётся, переломает себе ноги. Тут надо придумать что-то типа канатной дороги. Если бы тут была биржа, я бы поставил половину своих активов на производителей веревок и тросов.

– Тут, в десяти метрах, южный склон, – сказал Игорь, указывая на плоский уступ, – с естественной выемкой в базальте. Судя по следам, в выемке стояла вода. Мне кажется, проще перетаскать снег на солнышко, чтобы он растаял, а потом по прямой спустить сюда садовый шланг. Это метров сто. Против пятисот по канатной дороге. Электричество у нас пока не то чтобы в избытке, но за счёт солнечных батарей оно всегда будет. Короче, подключить насос и качать воду вверх.

– Игорь, порой мне кажется, что ты больше инженер, а не эколог.

– Более гениального инженера, чем природа, пока ещё ни-

кто не придумал, – парировал Игорь. – А в строении и взаимодействии экосистем до сих пор никто до конца не разобрался. Можно вытравить на гектаре леса жука-короеда, а потом чесать репу, почему деревню весенним паводком смыло.

– И какая связь? – поднял бровь Сергей Павлович.

– О-о-о, – протянул Игорь. – Связь там многоуровневая и многосоставная: через птиц, потом через паразитов, потом ёжиков, короче, через три года цепочка дойдёт до бобров, благодаря которым появляются излучины рек. А теперь представьте, что таких систем и факторов тысячи. И все они взаимодействуют и влияют друг на друга. Природа не терпит «ремонта по частям». Каждый организм вплетён в невидимую паутину взаимозависимостей, и устранение, казалось бы, незначительного звена незаметно дестабилизирует всю конструкцию. То, что мы считаем локальной проблемой, часто оказывается лишь узлом сложного баланса, который человечество пока не способно просчитать, но легко может разорвать. Убирая одно, мы рискуем обрушить систему целиком, когда последствия дойдут до нас слишком поздно.

– Экология, программирование, инженерия... Нет. Это не моё. Моё сердце в плену поэзии.

Среди громов, среди огней,
Среди клокочущих страстей,
В стихийном, пламенном раздоре,
Она с небес слетает к нам –

Небесная к земным сынам,
С лазурной ясностью во взоре –
И на бунтующее море
Льёт примирительный елей.

– Может, вы и сами стихи пишете? – поинтересовался Игорь, аккуратно спускаясь с очередного валуна.

– Фи, – скривился Сергей Павлович. – В современное время бравировать своими стихами – это как гоняться за людьми, чтобы дать им наконец понюхать свои трусы. Время великих поэтов, к сожалению, давно прошло.

Как только каньон свернул за гору, вдалеке мелькнула водная гладь, обрамлённая зелёным мхом, редкими деревьями и кустами. Между камней под ногами весело зажурчал ручей. Температура тоже поднялась градусов до двадцати и, похоже, собиралась расти дальше.

Валуны потихоньку начали утопать в почве, и вскоре им попался первый куст.

– Похоже, ива ложнопятитычинковая, – радостно объявил Игорь и потряс веточку кустарника.

Из куста вылетел рой слепней и мгновенно облепил всю группу.

– Твою ж ты мать, – выругался Влад, руководитель группы, хлопая себе по шее.

Слепни вились плотным облаком: любая неприкрытая часть тела мгновенно оказывалась под атакой. Сергей Павлович достал из рюкзака заранее приготовленные куски тюли.

Один отдал Игорю, своим же накрыл ковбойскую шляпу, закрепив канцелярской резинкой. Это здорово помогло, как и хозяйственные перчатки на руках, заправленные в манжеты рукавов. Только теперь они с Игорем выглядели не как ковбои, а как невесты перед бракосочетанием.

Охранники же плевались и отгоняли насекомых, которые лезли на лицо и пальцы, не прикрытые тактическими перчатками. Как только группа вышла к краю сфагнового болота, слепни исчезли. Но появились комары. Просто в неимоверном количестве. Игорь смахивал их с тюли только для того, чтобы видеть, куда ступает, – до того их было много. И, что хуже всего, хозяйственные перчатки они прокусывали с лёгкостью. Для охранников прогулка превратилась в сущий ад: они без перерыва махали руками, матерились, хлопали по лицу и шее. К тому же температура на солнышке поднялась, по ощущениям, градусов до тридцати. Вся разведгруппа была мокрая от пота.

– С чего вдруг такая жара? – недоумевал Сергей Павлович.

– Скорее всего, базальтовые стены гор нагрелись на солнце – мы как в каменной духовке, – предположил Игорь.

– Это невозможно, – не выдержал Влад, безуспешно отмахиваясь от комаров. – Сергей Павлович, почему вы не догадались взять ещё тюли?

– Почему не догадался? Догадался. Просто с вашими шлемами это бесполезно использовать. – Он достал из рюкзака

куски материи и канцелярские резинки и передал Владу.

Охранники быстро начали экипироваться по-новому, но резинка соскальзывала с пластиковых шлемов, а тюль липла к потному лицу. Комарам налипшая материя только облегчала задачу. В конце концов один охранник психанул, сорвал тюль, кинул на землю и принялся яростно её топтать.

Наконец, пройдя через небольшое сфагновое болото, группа вышла к подножью горы. Прямо над ними, на вершине, возвышался Дом Правительства. С другой стороны в каменистый берег били волны озера. Сlepни и комары отступили. Не полностью, конечно, но стало значительно легче.

– Привал, – скомандовал Влад, усаживаясь на камень и снимая берцы. На землю потекла вода. Проходя через болото, охранники вымочили обувь насквозь и сейчас с завистью поглядывали на Игоря с Сергеем Павловичем, щеголявших в ботфортах.

– Однако, неплохое место для постоянного лагеря. – Сергей Павлович подошёл к небольшому каменному гроту в базальтовой скале. – Просто идеальное. Грот глубиной метров десять-пятнадцать. Тут всегда можно спрятаться от непогоды. Сложить припасы.

– Какие припасы? – Влад выжимал стельки, одновременно ими же отгоняя комаров.

– А это мы сейчас посмотрим, – ответил он, доставая из рюкзака раскладной спиннинг. К счастью, у некоторых депутатов, несмотря на дорогие машины, не предназначенные

для выезда на природу, осталась старая советская привычка – класть на заднюю полку или в багажник удочку. Итого набралось двенадцать спиннингов и удочек.

– Знаете, что меня напрягает? – спросил Игорь, когда они уже стояли на берегу озера. – Грот будто создан для того, чтобы разбить в нём лагерь. На берегу в изобилии сухой плавник, рядом из скалы вытекает ручей. Комаров почти нет – только те, которые за нами с болота увязались. Но в гроте нет никаких следов кострища. Никаких следов сажи. В таких гротах они могут сохраняться десятками, если не сотнями лет. Грот хорошо виден с озера. Идеальное место для ночлега или отдыха.

– Хочешь сказать, что тут никогда не ступала нога человека?

– Я не знаю, все ли озёра и горы плато Путорана исследованы. Но это озеро – оно большое. Только видимая с горы часть длиной километров двадцать. И шириной метров шестьсот.

– Стоп, ты хочешь сказать, что это не Аян?

– Не знаю я, что хочу сказать. Может, и Аян, но, как показала разведка, карты, которые я скачал из кэша, слишком нечёткие. Да и какая разница – Аян или не Аян. Такой грот не мог ускользнуть от внимания путешественников. Можно предположить, что мы находимся в труднодоступном районе, но такие большие озёра никогда не остаются без внимания. Прежде всего потому, что самый простой способ пере-

движения в этой местности – по воде.

– Оп! Оп! Оп! – внезапно закричал Сергей Павлович, а удилище в его руках согнулось дугой. – Кто-то есть! Кто-то не мелкий.

Катушка затрещала, а леску начало водить из стороны в сторону.

– Но вот один рыбак вскочил, и, трепеща,
Всё смотрит на него в каком-то страхе чутком:
Он, в обе руки взяв, на удилище гнупом,
Выводит на воду упорного леща.

Начал шепотом цитировать стих Сергей Павлович. Над водой показалась тёмная спина, и он с шёпота перешёл на крик:

– И чёрно-золотой красавец повернулся,
И вдруг взмахнул хвостом – испуганный, рванулся.
И снова шёпотом:

«Отдай, отдай!» – кричит, и снова в глубину
Идёт чудовище, и ходит, вся в струну
Натянута, леса... Дрожь вчуже пробирает!..

На берегу в конвульсиях билась крупная чёрно-серебристая рыбина.

– Это же не лещ, это хариус, – воскликнул Игорь, подбегая к рыбе.

– А знаешь что? – восхищённо произнёс Сергей Павлович, глаза его сияли. – Я бы здесь остался.

И потом чуть тише добавил:

– До зимы.

– А что, зимнюю рыбалку не любите?

– Боюсь, что зимой мы будем есть друг друга. Если не осенью. А пока же нам нужно подумать, как мы можем распорядиться таким дополнительным источником питания. Такое огромное озеро способно прокормить прорву народа. Тысячу не прокормит, конечно. Но и нас будет далеко не тысяча. Большинство членов правительства и депутатов – люди за семьдесят, все на лекарствах, которые скоро закончатся. Как минимум пятьдесят до зимы загнутся. Далее – человек сто пятьдесят погибнут во время бунта.

– Какого бунта?

– Первого. Во время второго погибнет немного больше. В общем, рыба не панацея, но всё же... Надо думать, как её изловить в необходимых количествах. Удочки и спиннинги – это всё баловство. Было бы достаточно капронового шнура, можно было бы наплести сетей. Но я глубоко сомневаюсь, что шнур имеется в избытке.

– Я видел пластиковую сетку с крупной ячейкой на крыше. Такой иногда стройки огораживают, – вспомнил Игорь.

– Нет, в такую рыба не попадётся – она слишком жёсткая. А вот для строительства байдарок, для укрепления каркаса, спаянного из кусков пластика, такая сетка – самое то. Но и из жёсткой можно наготовить ловушек.

– Я, конечно, не рыбак, – Игорь любовался рыбиной, лежащей на мокрой гальке, – но мне кажется, что местная эко-

система очень бедна. Вода прозрачная, поэтому хищник видит блесну издалека. Скалы эти очень древние, значит, все минералы из них вымыты, вода в озере почти дистиллированная, бедная минералами. Такая вода для живых организмов почти яд. Я заметил, что болото, которое мы переходили, олиготрофного типа. А это болото и озеро – единая водная система. Олиготрофные озёра очень бедны на жизнь. Растения там страдают от недостатка воды.

– Как это от недостатка воды? Это же болото – воды там хватает.

– Физическая засуха, – спокойно пояснил Игорь, не отрывая взгляда от рыбы. – Вода-то в болоте есть, но она мёртвая. Кислая, с низким содержанием кислорода, почти без доступных азота и фосфора. Осмос не работает так, как надо. Корни растений в таком растворе работают вхолостую – как если бы ты пытался напиться из солёного моря: воды вокруг много, а организм обезвоживается. Сфагнум, например, сам создаёт эту среду – он выделяет ионы водорода, вытесняет из воды минералы, консервирует органику. Если присмотришься к растениям на олиготрофных болотах, багульнику, голубике, то увидишь все признаки, какие есть у растений, растущих в пустыне: жёсткие листья, покрытые волосками, к примеру. Поэтому в олиготрофных системах всё растёт медленно, пищевые цепи короткие, биомасса маленькая.

Он присел на корточки, аккуратно поворошил камешек рядом с рыбиной.

– Видишь ли. Жизнь есть, но она «экономная». Никаких жирных личинок, пиявок, пучков водорослей. Хищнику тут тяжело: чтобы прокормиться, нужно либо патрулировать огромные акватории, либо переходить на редкую, но калорийную добычу. А если вода ещё и прозрачная, как стекло, то маскироваться бесполезно – остаётся только скорость или засада.

– То есть ты хочешь сказать, что в этой красоте, – собеседник обвёл рукой зеркало озера, оправленное в скалы, – жизни меньше, чем в обычной луже?

– Не меньше. Она другая. – Игорь улыбнулся. – Знаешь, как в космосе: вакуум не пустой, он просто другой. Здесь эволюция шла не в сторону того, кто больше съест, а в сторону того, кто дольше продержится. Медленный метаболизм, долгая жизнь, редкое размножение. Такие экосистемы очень хрупкие: чуть нарушишь баланс – и цепочка рвётся. Поэтому, кстати, в олиготрофных озёрах почти нет рыбы, пригодной для промышленного лова. Не потому что её выловили, а потому что ей тут просто нечем кормиться в промышленных масштабах.

Внезапно будто дохнуло холодом, а в воздухе появился ветерок. Солнце буквально на глазах начало затягивать тучами.

– А вот и дождь начинается, – протянул Игорь, всматриваясь в небо. – Надо бы плавника в грот натаскать. Я слышал, что дожди тут могут идти долго.

У Сергея Павловича опять клюнуло, а Игорь с остальными мужчинами принялись таскать плавник в грот. Не прошло и десяти минут, как небо потемнело, будто наступили сумерки, в каньоне завыл ветер, и небесные хляби разверзлись.

Глава 9

Дождь накрыл группу сплошной, тяжёлой стеной. Холодные капли секли по лицу, выбивая пену из луж на базальтовых плитах. Влад, громко матерясь, швырнул наспех найденную валежину и бросился к тёмному зеву грота, где уже укрылись Игорь и остальные. Сергея Павловича нигде не было видно – только шум воды да гул ветра в расщелинах.

– Может, его смыло? – забеспокоился Влад, вытирая ладонями мокрое лицо.

– Нет, у него там клюнуло прямо перед самым ливнем, – отозвался Игорь, стряхивая воду с рукава.

Через пару минут из свинцовой пелены дождя, словно призрак, выплыла фигура в ковбойской шляпе и потемневшем от воды дождевике. В одной руке Сергей Павлович сжимал удочку, в другой – леску с крупной, бьющейся рыбиной. Он остановился на пороге, тряхнул головой, сбрасывая капли, и размеренно произнёс:

Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.

Цитата прозвучала не к месту, но оттого ещё более весомо. Он шагнул в грот, оставив за спиной ревущий ливень.

Мужчины зацокали языками, разглядывая переливающую-

юся чешуёй рыбину. От неё пахло холодной речной водой и тиной.

– Что ж... это будет нам на ужин. Или завтрак. С этим полярным днём я вообще запутался, где утро, а где ночь, – пожаловался Влад, стягивая дождевик.

Мужчины быстро наломали сухого плавника и развели костёр. Жёлтое пламя жадно лизало воздух, выгоняя сырость из каменных стен. Вокруг огня, словно часовые, выстроились пять пар мокрых берцев, от которых шёл густой пар. Сергей Павлович устроился у края, достал складной нож и принялся чистить рыбу, ловко снимая серебристую чешую.

Внезапно сквозь монотонный шум ливня прорезался чёткий, ритмичный цокот копыт по мокрому базальту. Охранники мгновенно среагировали – щёлкнули предохранители, фигуры метнулись за серые валуны. Даже Сергей Павлович, не поднимая глаз от рыбы, медленно опустил руку под полу дождевика и достал массивный, тускло поблёскивающий револьвер с длинным стволом.

В косых струях дождя проступил силуэт животного. Крупный, с мощными завитыми рогами, покрытый серым мехом баран. Он заинтересованно повёл ушами, вдохнул воздух, смешанный с дымом и запахом человека, и спокойно двинулся прямо ко входу в грот

Не

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.